

ЮРИЙ ПАНОВ

Меч

Кошцея Бессмертного

Роман-триллер

18+

Юрий Панов

Меч Кощея Бессмертного

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Панов Ю. Г.

Меч Кощея Бессмертного / Ю. Г. Панов — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Бывшая усадьба Нарышкиных «Раздолье» в селе Пады Балашовского района Саратовской области долго никого не интересовала и стала похожа на старинный заколдованный замок, начинающий разрушаться. О том, что здесь может находиться меч Кощея Бессмертного, в прокуратуре узнали из проводимого расследования в 90-е годы двадцатого столетия с помощью попаданицы в историческое прошлое. Что из этого получилось? Откуда он тут взялся? Кому понадобился? Где он сейчас? Что можно ожидать от тех, кто его найдёт? Это вы можете узнать, прочитав данный роман-триллер.

© Панов Ю. Г., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Пролог	5
Часть 1. На царских развалинах, 1994 год	7
Глава 1. Следствие на развалинах имения Нарышкиных	7
Глава 2. Странные бумаги	22
Глава 3. Суховой и другие	33
Часть 2. Меч Кощея Бессмертного	43
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Пролог

Светлана, Тамара, Михаил и Борис стояли у лестницы к Хопру в санатории Пады, расположившегося в имении Нарышкиных. Они уже побывали на могилах Моисейкиных и Дорониной и теперь вспоминали 1994 год...

– А ведь не зря «Пады» с греческого переводится как «царские развалины»... – тихо произнесла Светлана. – Ведь нынешнее состояние усадьбы как нельзя более точно соответствует ему...

Они знали, что в настоящее время за усадьбой никто не следит – санаторию нельзя, а федералы никак не доберутся до балашовской глуши, поэтому все здания усадьбы находятся на грани полного разрушения, однако в первозданном виде сохранились ещё общая структура и планировка усадьбы.

Дорога, отделяющая село Пады от внешнего мира, сама могла бы считаться туристическим маршрутом, правда, для любителей экстрима. Асфальтовая полоса препятствий превращается в деревенскую улицу и ведет прямо к усадьбе, но упирается в ворота санатория. Чтобы увидеть этот памятник, нужно разрешение руководства, которого, как правило, нет на рабочем месте.

Сама же усадьба «Раздолье» со временем все больше становится похожей на старинный заколдованный замок: по сторонам еловой аллеи (это бывший парадный подъезд к господскому дому) пестреют разноцветные корпуса советской постройки, старинные здания – в глубине парка. По сравнению с вековыми дубами двухэтажные особняки кажутся миниатюрными.

Когда-то в имении была огромная каменная оранжерея, фруктовый сад с шпанскими и других сортов вишнями; были персики и абрикосы, лимонные и померанцевые деревья с плодами. «Здесь было сосредоточено все необходимое для проживания высокородного вельможи», – писал декабрист Александр Беляев (его, отбывшего каторгу и солдатчину, владельцы пригласили на должность управляющего).

Слева расположился особняк с башней, который хозяева называли «мужской» дом. Здесь жил глава семьи Нарышкиных. Когда-то в танцевальном зале играл молодой Сергей Рахманинов, в 1890-х годах приезжавший в Пады в гости.

Сейчас недалеко от дома расположилась табличка «Опасная зона». Боковые стены дома обвалились, внутри – месиво кирпича, металла и почерневших досок.

Дом с мезонином отводился для хозяйки усадьбы. Оранжерея, соединявшая покои супругов, исчезла давно. Двери и окна заколочены, но сказочная деревянная резьба на крыльце еще цела. Справа – длинный флигель, где, по одним сведениям, жили дети с няньками, по другим данным – это было жилище управляющего. Крыша домика провалилась, изнутри тянется вверх молодое дерево...

Но дворцовые развалины не единственные здесь. Чуть в стороне от главной аллеи громоздится гигантский недострой – новый корпус санатория, начатый в начале перестройки.

Исторические здания, построенные во времена и на деньги Нарышкиных, стоят по всему селу. Бревенчатый домик, выкрашенный в веселенькие зеленый и желтый цвета, – бывшая метеостанция, теперь здесь работает краеведческий музей. Не только выставленные прялки и люльки, но и высокие пороги, тяжелые двери с щеколдами, запах дерева и старого полотна – как любят нынешние туристы, «аутентичные», полуторавековой давности. Туристов немного, в основном бывшие выпускники с друзьями, приезжающие на малую родину в отпуск.

Рядом кирпичный дом дореволюционного торговца Бакурского: дом был таким добротным, что именно его коснулось первое постановление установившейся в селе советской власти (в постановлении говорилось о национализации).

Вот кирпичные ворота школы, отпраздновавшей в этом году 103-й набор первоклассников.

На другом красивом месте была больница, выстроенная в конце XIX века на средства Нарышкиных. Врач Михаил Соколов происходил из крестьян, за счет владельцев имения получил образование в Петербурге и прошел стажировку в Варшаве. При больнице действовал настоящий роддом, что было на тот момент большой редкостью: деревенские повивальные бабки, не желая терять клиенток, всячески интриговали против земских акушеров. Супруга Нарышкина Феврония Павловна сделала беспроигрышный ход: объявила, что станет крёстной для всех детей, появившихся на свет в роддоме, и подарит каждому младенческое приданое. Ровно через 100 лет, в 1998 году, больницу в Падах «оптимизировали» и растащили на кирпичи.

Они стояли на берегу Хопра и понимали, что на каждом квадратном сантиметре в Падах имеется готовый сюжет, пригодный если не для кино, то для туристического проекта.

Часть 1. На царских развалинах, 1994 год

Глава 1. Следствие на развалинах имени Нарышкиных

1.

Хмурое утро из окна Балашовской прокуратуры не предвещало ничего хорошего тем, кто находился внутри этого здания...

Следователь Балашовской районной прокуратуры Светлана Владимировна Белавина смотрела в окно своего кабинета. Почему-то её взгляд упёрся в хлебный киоск, который стоял с другой стороны улицы лицом прямо к ней. Очередь из молодых и старых мужчин и женщин за хлебом растянулась на несколько метров.

– Думаешь, почему нам разрешили ходить на работу не в форме? – напомнил о себе внутренний голос и тут же ответил. – Да потому, что народ власть, нас, милицию и армию возненавидел! Того и гляди поубивают из-за наличия дефицита во всём!

Светлана молча смотрела на бурлящую очередь.

Из динамика радио доносился голос Игоря Талькова, который хоть как-то скрашивал нездоровое настроение Светланы.

– А чего ты хотела? – это внутренний голос неожиданно включился в немой разговор. – Перестройка... Думаю, Советский Союз существует уже последние дни... Сама видишь: жизнь ухудшается прямо на глазах... Вон, даже у хлебного киоска огромная очередь! А в магазинах-то вообще полки пустые! Улицы превращаются в стихийные рынки, можно купить все: от буханки хлеба до пулемета. Население страны катится к нищете...

– Ну, ты дал! – возразила Светлана своему внутреннему голосу. – Не всем так плохо! Вон, фанерщики, наши звёзды эстрады, миллионами свои деньги считают!

– Я, надеюсь, ты Игоря-то Талькова к ним не причисляешь? – у внутреннего голоса послышалась едкая интонация.

– Нет, Игорь – наш человек! – возразила Светлана. – Он честно отрабатывает своими песнями!

– Вот-вот... – не сдавался внутренний голос. – Да песни-то его не простые... Как бы что не случилось с ним!

– Да ну, тебя! Вечно каркаешь... – возмутилась Светлана, и всё же, немного подумав о тех людях, которые могли убить Игоря, кивнула головой. – Этой заразы развелось много...

Почему-то сразу вспомнилось, что с января этого года цены на хлеб прыгнули в два раза, а доходы снизились ниже прожиточного уровня... Хоть и были массовые выступления преподавателей и студентов против ухудшения материального положения, но они кончились ничем. Радио говорило о забастовках шахтёров Воркуты, Подмосковья, Канско-Ачинского бассейна в связи с задержкой выплаты зарплаты...

Но и весна с летом оказалась не лучше: забастовки, приватизация и недовольство людей от такой деятельности власти, МММ и массовый обман населения финансовыми пирамидами от того, что с этим никогда не сталкивались, вывод войск из Германии, Эстонии и Латвии...

Осень года оказалась ещё хуже: многократное падение рубля к доллару, многотысячные митинги и демонстрации в Москве... Но хуже всего – началась Чеченская война с огромными потерями солдат и офицеров, местных жителей и разгромом домов в Грозном...

Новая правительственная программа углубления экономических реформ ставила своей задачей стабилизировать экономическую ситуацию в стране, чтобы войти в рыночную экономику, через отказ от централизованного руководства, регулирования через банковскую систему и разгосударствление.

При этом все считали, что жить будет лучше, если в условиях дефицита экономика станет рыночной. И началась структурная перестройка промышленности, массовая приватизация государственности, либерализация цен...

Не успели и охнуть, как оказались за дверями закрытых заводов, а цены колоссально прыгнули в 25 раз, что заставило балашовцев перейти на потребление с личных и дачных участков.

В сельском хозяйстве вроде бы появились фермеры, сельхозкооперативы, крестьянские хозяйства, только размер их уменьшился почему-то от 1,5 до 4 раз, что делало эти хозяйства убыточными при самом успешном ведении и многие разорялись.

Почему-то мотор российского экономического роста не завёлся...

2.

Невольно воспоминания отбросили её на много лет назад...

... Светка подошла к дому бабы Маши.

– Кыш-кыш, огло-еды! – кричала баба Маша, хворостиной погоняя соседских кур и котов. – Вот нет на вас со-баки!

Светку словно хлестнули той самой хворостиной, что держала в руках баба Маша. – Как?! Моей бабе Маше нужна собака, а я и не знаю?

И сама не поняла, как вдруг вспомнила, что видела молодую собаку у одного из домов по улице, на которой жила сама. Ноги словно подслушали её мысли и понесли её к этому дому.

– Светка, ты куда? – вдруг услышала она Мишкин голос.

– Никуда... – отмахнулась Светка: всё её существо сейчас было там – у собаки.

– Стой, я с тобой! – крикнул Мишка и, выбежав из калитки, пошёл рядом с ней.

Так молча и шли они, пока за забором дома не услышали. – Светка, Мишка! Вы куда?

– Никуда... – почти одновременно ответили те, тут же заразив своей тайной Борьку, который с этим мириться вовсе не собирался.

– Ага... И без меня?! – произнёс он, присоединяясь к друзьям. То же было и с Томкой.

И только у дома, который покинули хозяева год назад, они увидели у калитки тощую собаку, которая ждала своего хозяина.

– Бабу Машу задолбали соседские куры и коты... – наконец, произнесла Светка. – Она хотела бы иметь хорошую собаку!

– А эта – хорошая! – произнёс Мишка, показывая на лежащую перед ним собаку. – Хозяин год назад помер... А она всё его ждёт и ждёт!

– Точно, хорошая... – подтвердил Борька, обращаясь к Светке. – Давай, отведём её к бабе Маше!

– Ага, а вдруг она не захочет? – Светка смотрела на собаку, которая, чувствуя свою беспомощность перед жизнью своего хозяина, лежала, закрыв глаза. Только дёргающиеся уши показывали, что она слышит то, о чём говорят дети.

– А ты попробуй поговорить с ней! – вдруг произнёс Мишка. – Мне бабуля говорила, что собаки нас понимают... Только сказать ничего не могут!

– А вдруг родственники хозяина будут против... – с сомнением произнесла Светка.

– Да ты чё? – вмешался Борька, приглядываясь к собаке. – Здесь никто не живёт уже с год... У кого ты будешь спрашивать?

– Но я же не знаю, как её звать? – тихо попыталась отмахнуться Светка, но тут же рукой махнула и присев к собаке, вдруг обняла её.

– Знаешь, подружка, мы... Тут пришли... К тебе... – на ходу придумывая слова, которые смогли бы как-то подействовать на собаку. – Тут бабе Маше нужна верная собака, такая как ты...

К удивлению Мишки и Борьки, да самой Светки собака вдруг подняла голову и посмотрела на Светку, а потом на её друзей и снова опустила голову на лапы.

– Пойдём к бабе Маше! – ласково улыбаясь, произнесла Светка и уткнулась носом в рыжую гриву собаки. Собака тут же подняла голову.

Мишка и Томка упали на живот перед собакой. Мишка пододвинул свой нос к носу собаки, руками касаясь её рта, а Борька, как настоящий джентльмен, тут же упал на одно колено и присел, улыбаясь. Томка молча смотрела на него.

– Пойдём, моя хорошая... – ласково, с некоторой хитрецей произнесла Светка и взяла собаку за ошейник. Та даже не дёрнулась, вверяя себя в распоряжение Светки. – Баба Маша хорошая... Она тебе понравится! Ты будешь гонять кур и котов с её огорода, а она о тебе заботиться...

К удивлению Светки, собака вдруг встала. Вся четвёрка тут же вскочила на ноги. Светка шагнула в сторону дома бабы Маши и собака пошла рядом, слегка качаясь от голода. Борька с Мишкой переглянулись и, встав по обе стороны собаки, пошли молча с улыбкой. Томка пошла сзади.

Баба Маша, увидев Светку, собаку и её эскорт в виде друзей Светки, только руками всплеснула. – Это ку-да же вы её?

– К тебе, баба Маша! – улыбаясь, ответила Светка. И посмотрела на товарищей. – Она верная... Целый год ждёт своего умершего хозяина... Родственники уехали в Балашов... А она всё ждёт и ждёт! Вот мы и подумали: тебя соседские куры и коты задолбали... А она их быстро отвадит!

– И как же зо-вут эту кра-са-вису? – баба Маша присела перед собакой, посмотрела ей в глаза и ласково спросила. – Пой-дём ко мне жить? Ты мне нуж-на, а я те-бе!

К удивлению Светки и её товарищей, собака тут же опустилась на лапы и, начав ими перебирать землю, вдруг замерла, положив голову на лапы.

– Лад-ная ты моя... – улыбнулась баба Маша, погладив по голове собаку и взяв из рук Светки повод. – Вот и будешь Лада!

Светка, Мишка, Томка и Борька даже захлопали в ладоши – так им понравилось имя собаки.

– Пой-дём-ка, Лада, я тебя по-корм-лю! – произнесла она как всегда нараспев и направилась к дверям. Собака послушно пошла рядом. Баба Маша в дверях повернулась к четвёрке друзей и произнесла. – Спа-си-бо, вам, Свет-ка, Миш-ка, Том-ка и Борь-ка за Ладущку мою! Друзья махали ей руками, пока она не скрылась из вида...

Вздыхнув, Светлана отошла от окна и села за стол, закрывая дело очередного следствия.

3.

– Светлана Владимировна... – раздался из телефона голос районного прокурора. – Зайдите ко мне! У нас очередной убитый...

– Вот-вот... А я что говорил? – отозвался внутренний голос. – Очередной! Только в этом месяце уже третий и там же! Они что там все, совсем очумели?

– Хорошо, Дмитрий Васильевич! – не обращая внимания на ворчание внутреннего голоса, ответила она своему начальнику. – Сейчас буду!

Собрав со стола документы и спрятав их в сейф, а также взяв с собой новую папку с чистыми листами, она пошла в кабинет к прокурору.

В кабинете прокурора подполковника Дмитрия Васильевича Беловолодова собралась практически вся команда Светланы, которая досталась ей после отправки «жреца Веденя» в отпуск. Поздоровавшись со всеми, она села на своё место, поближе к прокурору.

– Ну вот, кажется, собрались все! – улыбнувшись на мгновение, прокурор стал снова серьёзным. – У нас очередной убитый... Нашли на берегу Хопра в Нарышкинском имении... В руке у него была какая-то бронзовая штукавина... Так что, вам надо ехать в Пады! Это, раз...

– Интересно, а что же будет два? – ехидно отозвался внутренний голос Светланы.

В это время открылась дверь в кабинет прокурора, и в неё вошёл среднего возраста мужчина в подполковничьих погонах, направившись прямо к прокурору. Тот тут же встал, улыбаясь вошедшему, и протянул ему руку.

Пожав её, повернулся к команде, и представил вошедшего. – Вот, познакомьтесь, подполковник Буданов Трофим Михалыч, ваш новый прокурор! А я уйду на пенсию... Так что, прошу его любить и жаловать!

– Ну, скажи, что ты не знала об уходе нашего Бесяка на пенсию? – ехидно усмехаясь возникшей неожиданности, произнёс внутренний голос. – Ведь знала же?!

Светлана кивнула головой внутреннему голосу. Однако старый прокурор это заметил.

– Светлана Владимировна, вы что-то хотели бы сказать? – обратился он к нахмурившейся Светлане. И, увидев, что она, подняв чуть-чуть обе кисти рук вверх, и головой замотала отрицательно, усмехнулся и, повернувшись к вошедшему новому прокурору, произнёс. – Вот, Трофим Михалыч, познакомьтесь: старший лейтенант Светлана Владимировна Белавина, наш лучший женский следователь... А это команда «жреца Веденя», предоставленная ей на время его отпуска: криминалист капитан Павел Николаевич Ведагоров и два оперативных работника: капитан Виталий Викторович Буеславов и лейтенант Иван Николаевич Ярославлев.

Все, кого Бесяк представлял новому прокурору, вставали по очереди. Новый прокурор, усевшись в освобождённое прокурорское место, только кивал головой на представление команды.

– Кстати, Трофим Михалыч, я уже сообщил команде, что им предстоит новое расследование человека, убитого в Падах – Нарышкинском имении...

– Ну, что же... Если нет вопросов, прошу всех выехать на место происшествия! – новый прокурор встал, показывая всем, что разговор окончен. – С каждым из вас я познакомлюсь в ходе расследования!

Все, кроме старого прокурора встали и направились к двери...

– Ну, что молчишь? Язык проглотил? – разговор с внутренним голосом Светланы продолжился в коридоре по пути к милиционерскому узику. – Как тебе наш новый прокурор?

– Я бы дал по первому впечатлению ему кличку Будан... – неожиданно напомнил о себе внутренний голос и ехидно добавил. – А как он сладострастно посмотрел на тебя? Я, думал, тут же слюну пустит!

– Ну и чё, пустил? – усмехнулась Светлана. – Да брось ты его! Лучше думай о том, что за штучку нашли у убитого!

– Вам, бабам, только что-нибудь блескучее, духи да губную помаду подавай! – сердясь, проворчал внутренний голос. – Ты бы лучше подумала, откуда взялся именно сейчас этот копатель в Падах? И кто его убил?!

– Вот приедем в Пады, осмотрим убитого... – озабоченно произнесла Светлана. – Смотришь, что-то поймём...

– А твой-то Серёга... Чего это он у тебя не появляется? – внутренний голос задел за больное: вот уже трое суток её Серёга Бочаров отделяется только звонками. – Тебе не кажется, что у него какая-то уж очень странная стала работа? То дома валяется сутками, то исчезает на несколько дней...

– Такое время сейчас... – ответила Светлана своему внутреннему голосу и усмехнулась. – Хотелось бы, конечно, мне знать, где он пропадает...

– А чё он тебя замуж не зовёт? – удар был нанесён в самое сердце. – Или новая любовница появилась?

– Да отстань, ты! Ну, обещал жениться... И что с того? – разозлилась Светлана. – Откуда я знаю, когда он это сделает! И сделает ли вообще...

И сердито посмотрела на дорогу, которая, как и её сердце, была изрыта ямами...

Как-то невольно её взгляд через зеркало на переднем стекле узика водителя упал на озабоченное лицо старшего опера Буюслова, когда они все переезжали на другую сторону через новый мост на реке Хопёр.

– Интересно, о чём это так задумался наш Виталий? – подумала Светлана и перевела взгляд на криминалиста, который сидел рядом. – А вот Павел Николаевич совсем не озабочен!

Она перевела взгляд на молодого здоровяка Ивана, который просто дремал, слегка опустив голову, и улыбнулась. – Молодец, Ванюшка! Чего заранее изматывать себе нервы?!

– Ну, наконец-то я услышал нормальную речь! – усмехнулся внутренний голос Светланы. – И тебе бы, голубушка, не мешало бы также подремать!

Прислушавшись к разумной речи, Светлана закрыла глаза, пытаясь хоть немного подремать: до Падов надо было ехать, как минимум, ещё полчаса по разбитой ямами дороге...

В голову как-то незаметно поползли воспоминания...

– Сколько же ты не была в Падах? – напомнил о себе внутренний голос.

– Да уж давно... – пытаясь ответить на вопрос внутреннего голоса начала считать в уме Светлана. – Сейчас мне двадцать пять. Из Падов родители уехали на Урал, когда мне было всего семь лет. В Падах я училась в школе в первом классе вместе с Мишкой, Борькой и Тamarкой. Родители на Урале работали на заводе. Потом, уже когда выросла, поступила на юридический и отучилась ещё пять лет... Затем была направлена сюда для работы в прокуратуре, но в Падах ни разу не была... Это чё же, получается пять лет?

– Как-то странно ты считаешь... – ехидно усмехнулся внутренний голос. – Вот она, женская логика! Если тебе сейчас двадцать пять, а уехала ты из Падов в семь лет, значит, в Падах не была восемнадцать лет! И узнаешь ли ты свои Пады? Ведь то, что видела в семь лет, ты едва ли вспомнишь сейчас!

– Посмотрим... – усмехнулась Светлана. – Интересно, подружка моя, Томка, а также Мишка и Борька там ещё или нет? Небось, тоже куда-то уехали с родителями?

Между тем асфальтированная дорога на подъезде к посёлку Смычке, повернула направо, позволяя Светлане рассматривать два пруда слева и справа.

– Рыбу разводят... – неожиданно включился в разговор внутренний голос. – Но тот пруд, который слева, значительно больше... Рыбачить можно...

– А мне оно надо? – отозвалась Светлана, утвердительно кивая головой.

Меж тем водитель, странно улыбаясь, посмотрел на неё и вдруг спросил. – Светлана Владимировна, вы любите рыбачить?

– Алексей, да ты посмотри на неё: разве она рыбацка? – усмехнулся старший опер. – Да она даже не знает, с какой стороны к удочке подходить!

– Неправда! – громко возмутилась Светлана. – А вот и знаю! Чай с отцом удить на речку ходила...

Все заулыбались, представив с удочкой светловолосую миловидную Светланку.

4.

Ещё минут пятнадцать команда молчала, по-своему переваривая детские впечатления от рыбалки с отцом.

Но как только уазик повернул направо по дороге почти под девяносто градусов и началось село Пады, все почему-то начали внимательно осматривать каждый дом, как будто это и был объект их расследования.

Тем не менее, как только они подъехали к ограде бывшего имения Нарышкиных, в котором теперь размещался санаторий, так сразу же к ним подбежала старая бабка, заглянула в окно уазика, всплеснула руками и побежала открывать двери.

– До конца езжайте, но на берег по лестнице не ходите! – крикнула она им в окно. – Направо идите, направо! Там, на крутизне у берега и найдёте!

– Ты что-нибудь понял? – неожиданно старший опер спросил у водителя.

Но, не дождавшись его ответа, услышал от Светланы. – Езжай, Алексей, езжай! Я скажу тебе, где надо остановиться!

И уазик двинулся дальше, оставив перекрестившуюся охранницу на середине дороги.

Когда же уазик, миновав аллею из сосен и елей, остановился у кирпичной башни, почему-то Светлане, собственно, как и другим членам команды, на мгновение выходить не захотелось.

Закрыв глаза, она представила, как к дому подъезжает экипаж, из которого выходит изящная молодая женщина в пышном платье, а ее встречает статный мужчина с усами и бородкой во фраке. «Добро пожаловать, Февронья Павловна!», – говорит он, протягивая ей руку. И они удаляются в особняк, откуда звучит фортепианная музыка...

Помотав головой, чтобы сбросить наваждение, Светлана Владимировна открыла дверь уазика и ступила на землю. Наваждение тут же исчезло...

Оставив облупившуюся кирпичную башню с резным деревянным узором на втором этаже слева, команда, озираясь по сторонам и причмокивая от восхищения губами, двинулась по тропинке вниз, где у края берега их ждала молодая девушка с небольшой собачкой на руках.

– Пойдёмте сюда! – её рука показала на лежащее тело мужчины с раскинутыми руками. – Я вас здесь с утра жду... А вы всё не едете и не едете! Мне же собачку кормить надо...

– Скажите, девушка, кто-то кроме вас здесь ещё был? – спросила Светлана, сразу же показав, кто здесь следователь и кого надо слушаться.

– Нет! Утром, как я нашла его, никто не подходил... – невольно начав оправдываться, она даже подняла вверх брови. – Я тут же позвонила в милицию и осталась сторожить труп, как мне сказали. И ничего не трогала!

– Вот и молодец! – похвалил девушку криминалист, погладив её по плечу, но недолго, так как заметил ревнивый взгляд её собачонки и зубы в оскале. – Светлана Владимировна, я, наверное, начну осмотр трупа, следов и территории!

Кивнув ему головой в качестве согласия, следователь обратилась к операм. – Ну, что... Вам, наверное, придётся заняться опросом всех жителей санатория! Может, что-то и удастся узнать...

Она, повернувшись к девушке с собачкой, произнесла. – А я, если не возражаете, займусь вашим опросом...

Как оказалось, это была Оксана Сергеевна Королёва, одна из отдыхающих в санатории по путёвке на месяц. Больше половины срока она уже погасила и никуда пока не собиралась уезжать. Наоборот, Светлана, прощаясь, попросила её, если это возможно, ставить прокуратуру в известность обо всём, что здесь произошло или будет происходить, когда ей будет известно.

Между тем, криминалист сфотографировал всё, что было возможно около трупа, снял отпечатки и ощупал сам труп, осмотрев его и одежду, и начал оформление досмотра.

– Ну, что могу сказать, Светлана Владимировна... – начал он свой доклад. – На отдыхающего он не похож: уж слишком много на нём глины и песка! Скорее всего это копатель кладов... Об этом говорят остатки глины и песка на рваных рукавах и штанах его. Остатков золота на одежде я не нашёл, но вот на пальцах что-то есть... Надо посмотреть, что это! И ещё: сюда его приволокли! Вон там примятая трава, да и открытых участков глины здесь нет, хотя песка много внизу, под обрывом... Следы обуви тащившего я загипсовал...

И он рукой показал, где видел следы и песок.

– А что за бумага у него под рукой? А в руке – артефакт?

– Да-а-а, это карта кладоискателя... Только карта какая-то странная... – задумавшись, произнёс криминалист. – Но что он здесь указал, и что это за артефакт, надо разбираться отдельно... И вот ещё что: убитый-то у нас – иностранец!

– То есть как иностранец? – удивилась Светлана Владимировна. – С чего это ты взял?

– А вот, товарищ следователь, извольте получить! – и криминалист передал Светлане книжечку в корочках, на которой было отгеснено «Паспорт».

Открыв её, Светлана прочитала. —Херман Эрх, США.

– Подумаешь, американец! – начал успокаивать её внутренний голос. – Их щаз у нас наверху пруд пруди!

– Да вот то-то и оно, что наверху... – возразила ему Светлана. И, почувствовав некоторое волнение, добавила. – Ой, что-то мне не нравится всё это!

– А как пальчики? – Светлана показала на бумагу, которую держал в перчатках криминалист.

– Здесь я всё обработал... – ответил он. – Отпечатков несколько. Но точно скажу после лаборатории... В принципе, можно звонить в морг за доставкой! Заодно там и остальные части тела его хорошенько просмотрим во время судебно-медицинской экспертизы...

К лестнице Светлана не пошла, а наоборот, повернулась в противоположную сторону начала спускаться по тропинке вниз к реке, у которой и остановилась, и стала рассматривать берег Хопра.

— Надо же, как Хопер своим изгибом подъял берег... — напомнил о себе внутренний голос. — А когда-то ни одного наклонившегося дуба здесь не было...

Кивнув головой, Светлана прошла берегом к одному из таких дубов, песок из корней которого осыпался вверху, внизу был частично вымыт рекой.

Заглянув под обрыв, где обнажились корни дуба, она неожиданно увидела что-то коричневатое-чёрное, перевивавшееся с корнями, к которым шли следы... Протянув руку к этому неизвестному предмету, Светлана тут же ощутила внутренний трепет и лёгкое жжение на плече.

– Тебе не кажется, что здесь находится что-то очень важное? – насторожился внутренний голос. – И вообще... Ведь когда-то это место было далеко от берега... Здесь берег Хопра изги-

бается, и вода постепенно вымывает берег. Интересно, за какой срок обрыв мог переместиться к этому месту?

– А, может, это оставшиеся корни дуба... – возразила ему Светлана и невольно начала чесать своё плечо, как раз там, где обнаружила жжение. Потом подумав, добавила. – Если останется время, и здесь посмотрим!

Она поднялась наверх и с некоторой грустью посмотрела на наклонившийся дуб...

Из морга Светлане сообщили, что машина к ним уже выехала...

Оформив необходимые документы для производства судебно-медицинской экспертизы, и отдав их криминалисту, следователь Белавина решила проследовать за трупом к месту, откуда шёл неглубокий след волочения.

Как это ни странно, но следы вели не к той самой резной веранде, мимо которой они проходили, а к входу в это полуразрушенное здание.

Из трёх возможных мест проникновения в башню были: во-первых, отверстия, забитые досками крест – накрест, когда-то бывшие арочными окнами, а теперь имевшие дыры между полусгнившими досками; во-вторых, дыра в окне, находящаяся по центру здания, была расколочена и доски тут же лежали на земле. Но следы, как это ни странно, вели не к ней, а к третьему месту, что располагалось в противоположной части полуразрушенного здания, дверь которого была открыта.

Протиснувшись в проём, Светлана и криминалист вошли в зал (точнее, в то, что было когда-то залом), пройдя короткий промежуток дверного проёма.

Всюду на полу находились разбросанные хаотически доски, которые когда-то были половыми, стены оказались ободранными от бывших когда-то обоев. Даже кафель на одной стене был подвергнут обдиранию вместе с кирпичом.

Между тем в двух углах у окон были видны следы копания ям, глина которых выбрасывалась прямо на разбросанные половые доски.

– Интересно, почему ям всего две, а не четыре? – невольно включился в разговор внутренний голос. – Ведь угла-то четыре... Выходит, копатель знал, в каком углу лежат сокровища...

– Но не точно, ведь копал-то он в двух углах, а не в одном... – возразила ему Светлана. – А это значит, что копателем может быть кто угодно, услышавший какой-то разговор...

– А вот и лопата! – Светлана, услышав голос криминалиста, повернулась к нему. В руках он держал лопату с оставшейся глиной. – Возьму-ка я её с собой: а вдруг там пальчики чьи-то окажутся!

И начал аккуратно упаковывать её в свой мешок. Кивнув головой, Светлана вновь вернулась к теперь уже яме, около которой была обнаружена лопата.

– А это что? – неожиданно напомнил о себе внутренний голос. – Вон там, где под доской торчит какая-то одежда? А вдруг она нужна?

Криминалист, поймав взгляд Светланы, ринулся к этой одежде и, рванув её с силой на себя, выдернул из завала.

– Ба, да это же как раз то, что мне и надо! Нож! – довольно складывая нож, ранее завёрнутый в одежду, в свой пластмассовый мешочек, произнёс он. – Ну и глаз у вас, мадам!

Светлана улыбнулась, видя, каким довольным остался криминалист.

– А тебе не кажется, что мы что-то здесь упустили? – как всегда ложку дёгтя в ведро удовлетворения от её работы внёс внутренний голос.

– Например? – Светлана и не скрывала то, что было внесено сомнение в её следствие.

– Например, странный предмет в корнях дуба... – внутренний голос тут же подверг сомнению её достижения. – Или мы так и не узнаем, откуда пришли эти господа? Откуда взялась эта бумажка? Чья она? А артефакт? Похож на зеркальце женское... Такие были у древних

сарматов! Интересно, как им пользовались древние люди и, вообще, древнее ли оно? Кто его сделал? Ну, и наконец, кто был убийца, и каковы были его мотивы?!

Хорошее настроение Светланы быстро переменялось на противоположное от таких вопросов. Чтобы помочь криминалисту, она начала ещё более внимательно осматривать комнату. Ничего не найдя, вышла из развалин и начала осматривать всё снаружи. В какой-то момент, находясь на самом краю тропинки из-за разросшихся кустов ивы, она оступилась и упала, сильно ударив ногу и руку.

– Вот, зара... – она даже не договорила ругательство, увидев, что руки её коснулся какой-то острый предмет, а рядом появилась красная узкая полоса, оставленная лежащей на земле керамикой.

Это было острое ребро древней вазы из керамики, внутри которой было что-то темно-вато-серое, с небольшой горкой в середине разбитого сосуда. Рядом было много примятой травы и поломанных молодых кустиков ивняка.

– Пал Николаич! – крикнула она, забыв напрочь о своей ране. – Пал Николаич! Иди сюда! Я тут что-то нашла...

– Ну, мадам, вы сегодня просто не отразимы! – как всегда восхищаясь своей неординарной начальницей, криминалист Павел Николаевич Ведагоров называл её «мадам», нисколько не стесняясь этого. – Ну, что на этот раз?

Подойдя к Светлане, он сначала от восхищения чуть не захлопал в ладоши, увидев, сколько здесь есть всего интересного, и выпалил начальнице, уставившись на вещь доки. – Замри и не шевелись!

Аккуратно подняв с земли какой-то кристалл, он нагнулся к вазе. Только потом, вспомнив, что его любимая начальница по-прежнему стоит практически на одной ноге, застыв в той позе, которая была в начале его приказа, добавил. – Дайте-ка мне вашу руку, мадам!

Вытащив её на тропинку за протянутую руку, улыбаясь, добавил, уже разговаривая сам с собой. – Вот сюда его и потащил убийца... Ещё бы кровь где-то найти...

Светлана, увидев, что для криминалиста её персона больше не существует, вспомнила про рану и невольно провела по ней рукой. Увидев, что глаза криминалиста уставились на её руку в крови, услышала жесткий повелительный голос криминалиста. – Ты бы, матушка, пошла отсюда куда-нибудь подальше! Мне ещё и без твоей кровушки здесь работы хватит...

5.

Выполняя приказ криминалиста не мешать его работе и, перевязав ранку чистым носовым платком, она поднялась к машине, около которой стояли и курили только подошедшие к ней опера.

– Светлана Владимировна, я опросил всех отдыхающих... – начал свой доклад Виталий Буславов, внимательно глядя в глаза следовательши. – Никто посторонних, кроме опрошенной барышни, здесь людей не видел...

– А ты, Иван, что скажешь? – слегка недовольная из-за зудящей ранки, спросила Светлана.

– А у меня есть один свидетель! – улыбаясь тому, что его начальник так опростоволохился перед следовательшей, чувства к которой не скрывал, ухмыльнулся Иван. – Я опрашивал всех работников недалеко отсюда... Так вот пекарь Иван Иванович Моисейкин видел рано утром, как кто-то из мужиков выше среднего роста тащил что-то длинное к берегу. Это было от его пекарни метров за тридцать! Лица тащившего он не рассмотрел, так как рассвет только только начинался. Этот мужик притащил труп к тому месту, где мы нашли его, вложил какой-то предмет ему в руку и крадучись, ушёл к реке. Любопытный пекарь видел, как тот после этого ушёл по берегу прочь от этого места.

– Ну, хоть один свидетель есть! – подвёл итог внутренний голос, поднимая настроение Светлане.

– Молодец, Иван! – произнесла Светлана, видя, как его начальник недовольно отвернулся в сторону санатория. – Так ты говоришь, пекарь?

– Да! И он сейчас находится в пекарне... – невольно проглотив слюну, произнёс Иван, и, посмотрев на начальницу, тихо спросил. – А, может, я, этот, как его, опрос сделаю?

– Ты чё не видишь, что он проголодался! – вмешался внутренний голос Светланы. – Потому и опрос просится делать!

– Я сама хотела бы поговорить со свидетелем, а ты сбегай-ка в пекарню... – она усмехнулась, видя, как вспыхнули глаза Ивана при упоминании о пекарне. – Спроси, может, нам продадут булочку своего свеженького хлеба?

– Понял! – нескрываемая радость отразилась на лице Ивана. – Ну, так я пошёл?

И, не дожидаясь ещё чего-то, тут же повернулся и пошагал к пекарне.

Не успела Светлана открыть дверь пекарни, как на неё пахнули сладкие запахи свежевыпеченного хлеба, которым когда-то в детстве подкармливали её соседи дядя Ваня с бабой Машей, когда она приходила к ним.

– Светка, это ты што-ли? – до боли знакомый говор дяди Вани ударил по сердцу Светланы так, что из глаз невольно выбежали одна за другой две слёзки.

– Я, дядь Вань... Я... – с трудом произнесла Светлана также, как когда-то в детстве, когда приходила к ним, и улыбнулась, ладонью смахнув набежавшие слёзки, в том числе и накатившие на глаза.

– Вот ты, какая стала... – дядя Ваня улыбался, а по щекам его текли слёзы радости.

Как когда-то, будучи совсем маленькой, Светлана шагнула к измазанному мукой старому пекарю и положила свою голову ему на плечо. Бурей нахлынули тут же чувства, связанные с воспоминаниями...

Они так и стояли, вызывая удивление у Ивана, расположившегося недалеко с раскрытым ртом, в котором ещё совсем недавно был откусанный им кусок хлеба от большого каравая.

– Это ты што ли следователь? – дядя Ваня отстранился и посмотрел критическим взглядом снова на свою Светку и улыбнулся. – Ты, разбойница... Ты! Молодец, што пришла... Давай, проходи!

И отошёл, пропуская её вовнутрь, качая от восхищения головой. – Вот ты, какая стала... Красавица!

– Ну, дядь Вань, ты скажешь! – смущённо произнесла Светлана, возвращаясь в настоящее время. И спохватившись, тут же добавила. – А как там баба Маша?

– А вот не скажу, пока не пообещаешь, что придёшь нас проведать! – дядя Ваня наклонил голову то на одну сторону, улыбаясь, то на другую, и покачал довольно головой. – Красавица... Вот какая стала наша маленькая крестница!

Не зная, что сказать своему любимому крёстному, Светлана смотрела на него мокрыми от слёз глазами, текущими тихонько по щекам, и улыбалась.

– Скажи крёстному, что он нисколько не изменился... – начал подсказывать внутренний голос. Но Светлана махнула головой, показывая ему, чтобы отвязался.

– А ты, дядь Вань, нисколько не изменился... – она внимательно осматривала его поседевшую овальную голову. – Вот только сильно поседел...

– Дак я ужо ведь давно на пенсии... – усмехнулся крёстный. – Да вот не отпускают... Говорят, некому так хлеб печь! Ведь рецепт-то ишшо тот, Нарышкинский...

Он придвинул к ней стул, рукой показывая, чтобы села. – Садися!

И сам пододвинул к себе стул, садясь на него. – Как там мама, папа...

– С ними всё нормально... – улыбнувшись, ответила Светлана. – Здоровы... На заводе работают... Постарели вот тоже...

– А ты? Замуж-то ещё не выскочила? – усмехнувшись, улыбнулся дядя Ваня.

– Нет... Да и когда мне? – теперь уже по лицу Светланы проползла ехидная улыбка. – Вот, следователем работаю... А мужики нынче пошли вон какие... Их рыночная экономика поманила... Копни хорошенько: то бандит, то пьяница! Хорошие-то мужики в Афгане... На войне гибнут...

– Это ты про Мишку говоришь? – вмешался внутренний голос. – Так он без вести был... Забыла?

Светлана осторожно помотала головой, но крёстный всё же увидел.

– Вот и Мишка-то наш, соседский... – дядя Ваня внимательно посмотрел на крестницу, помнит ли она своего дружка, с которым в детстве часто гонялась по Падам. – Думали, без вести пропал... Где-то в Афгане... А вот ведь нашёлся: недавно пришёл из армии! Кузнечит топерича у отца...

Он положил свою тёплую руку Светлане на плечо, от которой ей как-то сразу же стало легко на сердце. Вздохнув, она вернулась в настоящее.

– Дядь Вань... Ты уж меня извини... – Светлана положила свою руку ему на сердце, придвинувшись к лицу. – Опрос мне надо с тебя провести... Ведь ты оказался свидетелем по нынешнему убийству!

– Ну, дак чо... Ты жо топерича следовательша! – он улыбнулся, как будто каждый день у него следователь проводил опрос. – Раз надоть... Давай, проводи! Чо знаю – скажу!

Вытерев мокрые от слёз глаза, она кивнула головой и достала свои бумаги. Записав, то, что нужно было по протоколу, спросила. – Скажите, Иван Иванович, вы знаете того, кого видели убегающим?

– Темно ешшо было... – вздохнув, начал отвечать дядя Ваня. – Глаза-то уж не те стали... Не разглядел... Вроде, высокого роста он был... И, кажись, даже слегка прихрамывал... Пошёл он по берегу на мостик деревянный... Может, на другу сторону Хопра собралси?

...Узик следователя Белавиной неторопливо бежал по разбитой асфальтовой дороге обратно в прокуратуру.

В голове Светланы всё смешалось: и преступление, и крёстный, и детство, и Мишка, и Серёга...

Старший опер насупившись, сидел и смотрел на то, как пробегают деревья в окне. Младший опер, опустив голову, сидел и дремал после вкусного хлеба. Криминалист, обняв обеими руками мешок с добытыми доказательствами для судебно-медицинской экспертизы, улыбался, довольно похлопывая по мешку и предчувствуя большой объём работы...

6.

Светлана шла на остановку автобуса. Настроение её сильно испортилось после того, как умываясь утром, она обнаружила у себя татуировку странного тигра на том самом плече, где вчера было жжение. Но, так как плечо перестало чесаться, она быстро забыла про это.

Невольно вспомнился её крёстный, который умудрился в последний момент отрезать краюху от своего каравая и затолкнуть её в карман крестницы. Именно им она и позавтракала сегодня с чаем, так как большую часть своей итак небольшой зарплаты она отправляла отцу с матерью. Улыбнувшись своим воспоминаниям о партизанских действиях крёстного, она с удивлением рассматривала целое столпотворение людей на остановке.

– Это чё такое? – коварным вопросом напомнил о себе внутренний голос. – А где автобусы?

– Где... Где... – проворчала Светлана, пытаясь хоть как-то ответить на вопросы внутреннего голоса. – Нигде!

– Люди! – услышала она голос какой-то женщины, подошедшей к толпе. – Не ждите автобусов! Их сегодня не будет...

– А где они? А почему не будет? – послышались эти и другие вопросы, на которые никто не собирался отвечать.

– Ну, что? Пошли пешком? – внутренний голос попытался хоть как-то помочь своей хозяйке. – Если пойдём по сокращённому пути, то к началу, может, и успеем!

Кивнув головой в знак согласия, Светлана, проскочила по свободным промежуткам в очереди людей, решивших дожидаться автобусов, и пошла по сокращённому пути, ведущему её между домами.

Самое страшное – это потерять своё место в очереди: обратно пробиваться приходится с боем. Особенно это было заметно по очередям в магазинах и в автобусах.

Она не понимала такую метаморфозу: государство внезапно отпускает цены, и магазины наполняются изобилием продуктов. Однако изобилие обманчиво – эти товары просто не по карману: цены быстро растут, поднимаясь в сотни раз, а зарплаты – лишь в десятки. Советские рубли ходили до апреля и параллельно с ними запустили купоны, которые стали лёгкой добычей для фальшивомонетчиков, так как не имели никакой защиты. Инфляция стала бешенная, а деньги обесценились в две тысячи раз.

Конечно, немецкие марки были у фальшивомонетчиков в большом фаворе: подделать их сложнее, но отдача – значительно больше. Да где их взять? То же было и с долларом...

Однако, как ни пыталась она проскочить толпу людей у зданий машиностроительного завода прицепов, уже с утра начавших торговать тем, что имели, ничего у неё не получилось.

– Кому женские сапоги! – подняв один сапог прямо перед носом Светланы, истошным голосом закричал мужчина средних лет в спортивной шапочке. – Целые... Один раз ношенные... Продаю со скидкой!

– Кому шоколадку? Кому хлеб? Кому пепси? – неслось отовсюду.

– Пошли отсюда скорей... – напомнил внутренний голос. – А то не успеем!

Толкаясь корпусом и локтями, Светлана то там, то здесь слышала голоса торговцев одеждой, или спичками, а то ещё чем-нибудь.

– И чё их милиция не разгоняет? – рассердился внутренний голос от того, что вместе со Светланой получил хороший толчок в грудь от очередного крикливого продавца.

– Просто их теперь не могут разгонять, потому что милиция потеряла законные на то основания... – пробормотала Светлана ответ своему внутреннему голосу.

Наконец она выбралась из огромной толпы у рынка и зашагала к прокуратуре: нужно было привести всё, что они сделали вчера, в надлежащий вид, чтобы показать новому прокурору.

7.

Меж тем, в комнате нового прокурора зазвонил телефон. Как только он взял трубку, тут же услышал недовольный голос. – Тхофим Михалыч, а ты шо-то не звонишь таки! Я все дышки на штанах пхотёх!

– Да что вы, Константин Захарыч, разве так можно? – как виновный школьник, сделавший что-то предосудительное, смущенно и виновато начал оправдываться новый прокурор. – Я только-только разобрался с делами старого прокурора...

– Ну ладно... – с чувством собственного достоинства произнёс тот, который был на другом конце провода. – Я даю тебе ещё сутки... И мне таки надо от тебя получить шо-то интелесное. Иначе с чем же я пойду в Политбюхо? Или ты больше не хочешь никакого пходвижения по службе?

– Да что вы, Константин Захарыч, такое говорите? – с показным подобострастием ответил новый прокурор. – Кто же этого не хочет? Чую, что-то надвигается... Мои люди работают как ищейки... Вот только как станет ясно что-то, так я сразу!

– Ну, хохошо... – довольным голосом ответил протеже, и тут же напомнил. – Сутки тебе... Сутки...

И отключился. А новый прокурор осторожно положил трубку и, думая о команде Светланы, жестко произнёс. – Ну, я... вас! Ищейки называются...

И, выйдя в свой предбанник, без эмоций, но прищуриив глаза, обратился к секретарше, которую вчера посадил на это место. – Сонечка, вызови-ка ко мне следователя Белавину вместе со своей командой!

Сонечка, маленькая полненькая секретарша, напоминавшая собой молодую тёлку с рыжими вьющимися волосами, толстыми розовыми губками на маленьком ротовом отверстии, голубыми глазками с густыми чёрными бровями и большими полными грудями, тут же встала, показав ему все свои прелести, вильнув при этом круглым задом, и кивнула головой.

Вздыхнув от того, что звонок протезе испортил ему всё наслаждение этим милым существом, прокурор повернулся и пошёл в свой кабинет...

... Однако не один новый прокурор получил важный звонок в это утреннее время. Чья-то волосатая рука с перстнем на пальце и в красном пиджаке подняла трубку зазвонившего телефона.

– Суховей... Это я, Кент! – слышалось в ней. – Иностранец-то наш, похоже, того, тронулся... Его нигде нет!

– Ты што, сдурел? Надо же... «Иностранца» потерял... Ищщи Кафеля...Ищщи, Кент! – рассердился хозяин. – Или ты не станешь борзым!

И положил трубку.

– Ищщи... Ищщи... – пробормотал человек на другом конце недовольным голосом, кладя телефонную трубку на место. – А борзости-то всё не даёт...

Но был и третий важный звонок, о котором никто из следствия даже не догадывался. И там было всего-то несколько слов. — Нашёл серебряные блюда... Вокруг снуют менты...

И в ответ ему прозвучало. — Смывайся так, чтобы тебя никто не видел...

8.

Когда в кабинет прокурора вошли Светлана, криминалист и два опера, прокурор недовольно поднялся со своего места со словами. – Почему вчера не доложили?

– Поздно приехали... – спокойно произнесла Светлана и добавила. – Мы итак по шестнадцать часов в сутки работаем... Да и добытые сведения нужно было переварить...

– А что, есть что переваривать? – уже более добродушно произнёс прокурор и показал вошедшим на стулья, чтобы те сели. Они так и сделали.

– Светлана Владимировна, начнём с вас! – произнёс прокурор с каменным лицом. – Что вы узнали?

– Нас встретила девушка с собачкой: они гуляли по берегу и наткнулись на мёртвого человека с артефактом в руке да бумагой рядом. Опрос её зафиксирован. Практически больше того, что я уже сказала, она ничего не знает. И этот человек ей не известен...

– Что ещё? – прокурор был явно недоволен. – Место осмотрели?

– Да! – включился в разговор криминалист. – Я осмотрел тело убитого, его одежду, артефакт и многое другое, но пока не успел всё это и экспертизу проделать... Могу пока только сказать, что это американец и им был выкопан клад...

– Американец? Клад? – в голосе прокурора слышалось сильное удивление и явная заинтересованность. – И где же клад?

– Не знаем... – ответила Светлана. – Ни в руках, ни рядом его не было... А иностранец – у нас в море...

– Плохо! – резюмировал прокурор. – Ну, вы хоть опрос персонала и жителей делали?

– Я делал! – кивнув головой, ответил старший опер. – Но никто из них ничего не видел.

– А я осмотр делал рабочих помещений и опрос работников санатория... – подняв руку, что бы ему дали слово, произнёс младший опер. – И свидетеля обнаружил...

– Ну, вы хоть опрос свидетеля провели? – прокурор опять обратился к Светлане.

– Да, провели! – улыбнулась Светлана, вспомнив своего крёстного и то, как он тихонько засунул ей хлеб в карман. – Но он только из-за темноты раннего утра видел то, как кто-то

оттащил труп к берегу реки и бросил его, а сам по берегу пошёл к лестнице, думаю, собрался на другой берег Хопра.

– Да, не много же вы накопили! – произнёс хмуро прокурор, и посмотрел в окно, думая о чём-то своём. – К обеду представить мне донесение о полученных вещ доках! Да, и готовьтесь к новой поездке в Пады... Идите!

Светлана с командой переглянулись, усмехнувшись такому общению прокурора с ними, и вышли...

– По-моему, новый прокурор считает, что мы уже совсем относимся к его барской вотчине... – произнёс внутренний голос Светланы, приводя её в полное замешательство. Вздыхнув, она незаметно качнула головой в знак согласия...

– Светлана Владимировна! Светлана Владимировна! – через некоторое время в кабинет следователя влетел криминалист, держа в руке какую-то бумагу. – Это ерунда какая-то получается...

– Пал Николаич, давай, докладывай всё по порядку, что у тебя получилось!

– А то и получилось, Светлана Владимировна, что убитый-то не только в нашей стране, но и на Украине, и в Туркестане, и в Крыму известен как копатель не то клада, не то какого-то меча... Только не одно это он там искал, а ещё какой-то артефакт! – тыча пальцем в бумажку, криминалист отдал её следователю. – А по отпечаткам пальцев убитого, получается, что это не копатель, а один из известных воров, пальчики которого есть в нашем архиве!

Светлана, взяв в руки лист с результатами криминалистической экспертизы, начала внимательно читать результаты, там, где только что находился палец криминалиста.

– Ну? Тут чётко написано «Данные отпечатки пальцев принадлежат Херману Эрику, гражданину США, который в воровских кругах имеет кличку «Кафель».

– Жалко, что не Кощей Бессмертный... – едко заметил внутренний голос. – Смотришь и трупа бы сейчас у нас не было...

«Этот человек был ранен ударом тяжелого керамического предмета, содержащего пепел человека, в лобную часть головы, и позже убит ножом». – прочитала она то, что было написано в бумаге, и посмотрела на криминалиста, сбоку уголками глаз демонстрируя скептическое настроение. – Так это что же? Убийство? Или копка клада? Ничего не пойму!

– Вот и я тоже! – уже успокоившийся Ведагоров с лёгкой улыбкой смотрел на следователя, показав ей свою ладонь, чтобы та убедилась в его правоте. – Как прочитал эту бумагу, даже засомневался в работоспособности компьютера... Прочитал ещё раз... А потом подумал: а почему я решил, что это копатель? Потому, что на нём остались следы пепла, глины и песка? Да, так я и думал! Так и подтвердила экспертиза... А когда получил результаты осмотра головы и раны, оказалось, что он не погиб от удара тяжелым керамическим предметом в виде вазы с пеплом, а получил смертельный удар ножом, который был нанесён неизвестным лицом! А если его специально намазали глиной и пеплом?

– Так ты думаешь, что это не копатель? – её брови поднялись, образовав морщины на лбу, глаза расширились, а приоткрытый рот приобрёл круглую форму. – Тогда кто копатель? И как он попал в Пады?

– Кто убит – это мы сейчас знаем... – ухмыльнулся криминалист, видя растерянность Светланы Владимировны. – А вот как он туда попал и почему, теперь надо разбираться!

Видя хитрую улыбку криминалиста, Светлана подошла к нему и взяла за руку. Брови её немного приподнялись, а веки слегка сузились. – Пал Николаич, давай колись! Ведь вижу, что-то ещё важное знаешь!

– Ну, Светлана Владимировна! Так не честно... – смущённо признаваясь, начал тот. – Ну, я же ещё не всё оформил...

– А ты скажи мне то, что уже получил... – следователь крепко вцепилась в руки криминалиста, показывая, что не оторвётся, пока тот не скажет.

– Ладно, скажу... – сдался на милость победителя криминалист. – Тут на штанине убитого было капель на целых три группы крови... Так вот: есть капли не убитого, и принадлежат человеку с первой группой крови резус отрицательный... Много крови принадлежит человеку со второй группой крови резус положительный на груди рубахи... И несколько капель третьей группы крови резус отрицательный был обнаружен на рукаве рубахи...

Светлана замерла, уголки глаз её приподнялись: нечто очень важное сейчас должно произвестись криминалистом...

– Так вот: человек со второй группой крови – это и есть тот самый вор, что был убит! – криминалист, видя с какой улыбкой смотрит на него следователь, даже махнул рукой, подчёркивая важность открытия.

– А те двое? – с кривой улыбкой, означающей, что она по-прежнему контролируемо нервозна, произнесла она.

– Надо дальше ковыряться в вещ доках... – криминалист опустил голову, отвёл взгляд в сторону, а глаза устремил вниз. И с горечью в голосе добавил, стыдясь того, что не всё сделал. – Ну, не успел я дальше! Мне же время надо...

– То есть, там их было трое? Ну, Пал Николаич, ты гигант! – покачав головой вверх-вниз, произнесла Светлана свой вывод. – А к обеду успеешь? Ведь барин наш после обеда собирается вновь нас в Пады отправить...

– Нет, всё не успею... – произнёс, нахмурился, криминалист.

– Ну, сколько успеешь, столько и ладно! – положив руку на плечо криминалиста, произнесла Светлана, и кивнула ему головой в знак согласия.

Пал Николаич поклонился, наклонив голову, повернулся и ушёл...

Глава 2. Странные бумаги

1.

Криминалист ушёл, оставив Светлану в несколько смятённом состоянии.

– Ну, и что же мы имеем? – это внутренний голос напомнил о своём существовании. – Убит вор, представленный копателем. Или сам копатель... Так? Ведь и в других местах он искал какой-то меч... А также какой-то артефакт! Был там и убийца... Кроме того, был ещё один человек, который оттащил убитого на берег Хопра... Итого, их было трое!

– Так... – согласилась Светлана.

– Но копатель-то был... И он даже в двух местах копал... Даже нашёл древнюю керамику и артефакт... – продолжил внутренний голос, рассуждая логически. – Так? Значит, этот копатель не есть Херман Эрих, а кто-то другой!

– Так... – мотнула головой Светлана.

– Предположим, что когда кто-то, допустим, Эрих, захотел у копателя отобрать клад, тот в него запустил найденную древнюю керамику и попал Эриху прямо в голову... – рассуждал внутренний голос. – Об этом говорят результаты криминалистической экспертизы... Так?

Светлана снова кивнула головой, подтверждая правильность его рассуждений.

– Керамика разбилась, часть её и пепел вылетели на улицу... – подвёл итог своих рассуждений внутренний голос. – Так?

Кивнув головой, Светлана напряглась: пора было делать вывод.

– Он упал... Вор и без оружия? Этого не может быть! – с большим сомнением произнёс внутренний голос Светланы. – А когда он схватился за нож? И почему был им или кем-то другим убит? Непонятно!

– Но ты забываешь, что в других местах вор искал какой-то меч и артефакт... – заметила Светлана. Вдруг её глаза заблестели. – А если это тот самый артефакт, что мы нашли в его руке?

И, ехидно усмехнувшись, добавила чисто по-женски. – Ага, мужику – и женское зеркало?! Он что, смотреться в него станет? Какие у меня губки... Какие у меня глазки?

– Не смотреться, а смотреть! – внутренний голос с интересом добавил. – Ты же смотришь телевизор? Или по компьютеру ищешь что-то... А вдруг этот артефакт для него инструмент для поиска того самого меча? Кстати, пока непонятно, что это за меч и какие у него возможности?

– Ишь, как повернул! – усмехнувшись, Светлана кивнула головой: что-то в его рассуждениях было хорошее.

– Выходит, копатель, убив ножом и переодев вора в свою одежду, с кладом смылся! – сделал окончательный вывод внутренний голос. – Вот только непонятно, откуда взялся ещё один человек, и почему он оттащил Эриха с места убийства? И при этом ничего не взял! Ушёл на другой берег...

Светлана вздохнула: если первая часть рассуждения была ей понятна, то вторая пока ничего не разъяснила...

Звонок секретарши прокурора прервал её рассуждения. – Светлана Владимировна, вас вызывают к прокурору!

Изложив прокурору результаты криминалистической экспертизы, она поведала ему свои рассуждения. И удивилась: у прокурора поднялись брови от приятного удивления, глаза расширились, а рот то и дело чуть заметно издавал цокающие звуки.

– Ну, это уже какие-то результаты... – довольно произнёс он, и тут же спохватился. – Надо выяснять, куда девался клад? У Нарышкиных всегда было много денег! Так что, надо снова съездить в Пады...

– Пады... Пады... – проворчал внутренний голос, помогая Светлане быстрее покинуть прокурорский кабинет.

2.

Новый прокурор вздрогнул, от того, что зазвонил телефон. Закрыв на мгновение глаза, он дрожащей рукой взял трубку телефона.

– Тхофим Михалыч, дохогой! – раздалось в трубке. – Я, как и обещал, звоню... Ты таки узнал то, шо я пхосил?

– Конечно, Константин Захарыч, узнал! – на лице нового прокурора появилась подобострастная улыбка, а на лбу – капельки выступившего от страха пота. – Оказывается, на усадьбе Нарышкиных в Падах были копатели, искавшие клад...

– И ты таки можешь сказать, шо клад у тебя? – в голосе протеже послышалась сладкая нотка.

– Да в том-то и дело, что клад упустили! Копатель сбежал, убив иностранца, и, думаю, клад прихватил с собой!

– Вот этого, я от тебя, Тхофим Михалыч, не слышал... – на том конце трубки голос стал таким жестким, что зазвенел громко-громко, отдаваясь в ушах. – Иде хош, но клад мене достань!

И отключился.

Пот ручьём побежал по лбу нового прокурора. – Вот, сволочь! Клад ему подавай!

Не зная, куда положить трубку, продолжавшую пикать в руке, он завертелся волчком, продолжая ворчать. – Думаешь, мне этот клад не нужен? Или я совсем дурак?

Положив, наконец, трубку на место, он начал думать уже по делу. – Надо срочно отправить команду Белавиной в Пады... И поискать копателей... Ведь кто-то же копал в Падах? И где этот чёртов клад?

– Сонечка, скажи Белавиной, чтобы ехала срочно со своей командой в Пады и искала, куда девался клад! – уже без всяких эмоций отдал команду новый прокурор. Вытерев пот со лба платком, он без сил упал на стул, прошептал. – Что же будет? Что же дальше со мной будет?!

Собрав свою команду, Светлана снова поехала в Пады...

Меж тем, волосатая рука с дорогим перстнем и в красном пиджаке, подняла трубку зазвонившего телефона.

– Суховой... Это я, Кент... – послышался голос в трубке. – Следаки увезли мёртвого Кафеля к себе в морг... У него ничего не нашли!

– А где клад?

– Суховой, ты и про клад знаешь? – удивился Кент.

– Ты за кого меня принимаешь? – возмутился Суховой. – Да, если бы я надеялся только на тебя, давно был бы в заднице! Ищи клад! Пошёл вон, бездельник!

– Ага... Бездельник... – пробормотал Кент, положив трубку на место. И, показав язык трубке и сморщив отвратительно при этом рожу, добавил. – И где я возьму этот клад, ежели его нету?

В это же время главврач Падовского санатория вызвал к себе главного инженера.

– Геннадий Иванович... – обратился он к главному инженеру. – Как у тебя дела со строительством семиэтажки?

– Да хреново, Семён Аркадич, одним словом! – ответил тот, не особенно задумываясь над тем, что говорит. – Цемент-то твой совсем полное дерьмо оказался... Плохо застывает, трещины повсюду даёт!

– Ну, ты, сам понимаешь, денег-то итак нет... – деланно улыбаясь, главврач пытался хоть как-то воздействовать на своего подчинённого. – А я хотел ещё у тебя денежек поиметь...

– Да ты что? – возмутился главный инженер. – Развалить всё собрался? А как потом отчитываться будешь?

– Тут такое дело... – начал главврач. – Следаки были... Труп обнаружили... А также клад Нарышкиных кто-то из копателей нашёл!

– А откуда ты про клад знаешь? Может, его и вовсе не было? – произнёс главный инженер, позабыв про свои проблемы.

– Знающие люди сказали, что нашли следаки золотую и серебряную пыль, а также древнюю бумагу... – главврач почесал затылок. – Вот я и подумал... Не сократить ли нам расходы на строительство? Пошли-ка парочку своих рабочих покопать в двух других углах... Найдём клад, деньги на строительство будут!

– Но ведь у нас бетон... А он требует срочной и постоянной работы! – возразил главный инженер.

– А ты всего двух человечков направь...

– Дак, у меня итак мало людей! – возразил главный инженер. – Едва с бетоном поспеваем работать! А тут ещё твоё недавнее сокращение...

– Да ты не спорь... Не спорь! – главврач железным голосом показал главному инженеру, что нужно делать. – А то ведь я могу и тебя сократить!

– Ну, гляди! – вздохнув, главный инженер повернулся, чтобы уйти. – Ты будешь за такое качество в ответе!

– А ты за меня не беспокойся, я как-нибудь отвечу... – произнёс главврач и добавил в спину уходящему. – И штоб сегодня было на месте двое копателей, понял?

Главный инженер, опустив голову, только рукой махнул...

3.

Команда Белавиной тряслась по разбитой дороге в Пады. Оба опера безучастно смотрели в окно на убегающую вдаль природу, криминалист о чём-то напряженно думал, а Светлане мечталось об одном – быстрее бы увидеть бабу Машу и деда Ваню...

Через ворота санатория их пустили сразу же, как только они приехали. Подъехав к дому Нарышкиных, Светлана сразу же отпустила оперов на поиск кладокопателя, а сама с криминалистом вошла в полуразвалившуюся вотчину Нарышкиных.

– Как мне всё это надоело... – вдруг услышала она в одном из углов комнаты разговор двух мужчин. – А мне, думаешь, не надоело? Вчера бетон делали, как положено, а сегодня – как попало...

– Да я не об этом... – это первый из копателей продолжал возмущаться. – Ну, хрен с ним, с бетоном... Но копать клад я не нанимался!

– Да и я тоже... – вторил ему другой, и, неожиданно повернувшись на треск сломанной доски под криминалистом, произнёс. – Ой, смотри-ка, кто-то пришёл!

– Эй, ты кто? – поинтересовался первый мужичок, явно довольный тем, что временно не придётся копать глину.

– Нет, это вы кто? – спросила Светлана, доставая книжечку документов. – Я – следователь прокуратуры Светлана Владимировна Белавина, а вы кто? И прекратите копать!

Работники, довольные тем, что им больше не нужно копать глину, начали вылезать один за другим из ям.

– Вы как здесь оказались? – Светлана с удивлением рассматривала перемазанных глиной рабочих.

– Да это самые настоящие строители, ты, что не видишь? – это внутренний голос напомнил о себе после долгого молчания.

Теперь уже сама Светлана увидела рабочую форму строителей и с удивлением ждала, когда они выберутся из ям.

– Здравствуйте, товарищ следователь! – улыбаясь Светлане, произнёс перемазанный глиной парень выше её на голову. – Ну, нас тут главврач заставил копать какой-то клад, а вас-то что занесло сюда?

– Главврач, говоришь? – переспросила Светлана.

– Он, он... – подтвердил второй молодой рабочий примерно одного с ней роста. – Сами не понимаем, зачем нам этот клад нужен! Там бетон на семиэтажке твердеет... Что с ним потом будем делать?

– Вот что, мужики... – это уже криминалист вступил в разговор. – Идите-ка вы к себе на стройку! А мы со Светланой Владимировной как-нибудь с вашим главврачом и этим кладом разберёмся!

– Вот, спасибо вам! – довольно улыбаясь, строители взяли свои лопаты, и пошли к строящейся семиэтажке.

– Я, думаю, надо идти к главврачу... – тихо произнёс криминалист. – Ох, уж эти новые предприниматели... И врачи – туда же пошли! Тоже предпринимателями стали!

– Пойдём... – усмехнувшись, произнесла Светлана. – Тут нам больше делать нечего... А вот и нож!

Она нагнулась за ножом и аккуратно за конец взяла, передавая его криминалисту...

Когда она подходила к зданию санатория, ей показалось, будто на втором этаже у окна кто-то стоял и внимательно смотрел на неё. Оставив криминалиста ещё раз провести осмотр и комнаты и территории, она шла к главврачу.

Апартаменты главврача санатория предусматривали наличие секретарши, которая, словно служебная собака тут же встала в стойку.

– Вам кого? – обратилась она к вошедшей Светлане Владимировне, одетой в этот раз не по форме. – Семен Аркадич сейчас занят!

– Я сожалею, но мне придётся его потревожить... Я, Светлана Владимировна Белавина, следователь прокуратуры! – произнесла Светлана, показав своё удостоверение и шагнув вперёд.

Секретарша тут же повернулась, и, постучав в дверь, зашла вперёд, на ходу произнесла. – Семен Аркадич! К вам тут... из прокуратуры!

И отошла в сторону. Как и предполагала Светлана, главврач санатория стоял у окна как раз там, где его и увидела Светлана.

– Я вас ждал... – почти обреченно произнёс он, рукой показав секретарше, чтобы та исчезла.

– Семен Аркадич, как вас понимать? – показав свой пропуск в прокуратуру, произнесла Светлана холодным официальным голосом. – Скажите, пожалуйста, кто вам разрешил копаться там, где проводятся следственные действия?

– А я и не знал, что там проводятся... – бодро мотнув головой, как молодой козлик, быстро ответил он, давно придумав для себя отмазку. – Может, это мой главный инженер что придумал? Это же его люди!

– А мне они сказали, что по вашему распоряжению копают! – продолжала наступать Светлана, рассматривая покрасневшее лицо главврача, по которому глаза забегали из стороны в сторону от стыда. – Так что не врите! А вот за то, что нарушили законодательство, вам придётся выплатить штраф! И не ищите больше кладов, а то как бы и в тюрьму сесть не пришлось... Не забудьте, на вашей территории найден убитый человек!

Брови Семёна Аркадича поднялись, глаза расширились, рот раскрылся, а губы задрожали. Он даже как-то весь обмяк, видя, как следователь быстро оформляет какую-то бумагу.

– Вот, получите штраф! – Светлана оторвала бланк от корешка, передавая ему бумажку, на которую ему смотреть было страшно. Повернулась и пошла к двери. – И никаких работ на подследственной территории!

– Коза... драная... – услышала она еле слышный шёпот.

– Я всё... слышу... – ровным голосом произнесла она и добавила. – Постарайтесь уплатить сегодня же!

И вышла. Настроение Светланы от встречи с таким трусливым и вонючим козлом было препротивным...

4.

Светлана шла по улице к Моисейкиным и воспоминания сами собой будоражили её память. Дойдя до поворота, она снова увидела прудик, опоясанный валом выше человеческого роста.

– Не пойму... – тихо произнесла она, остановившись у прудика, заполненного множеством гусей и уток. – Он что, так уменьшился с тех пор?

– Нет... Это ты, голубушка, так выросла, что когда-то большой пруд стал маленьким! – напомнил о себе внутренний голос. – А вот твоего дома и вовсе не стало! Уже кто-то другой себе дом построил на этом месте...

Она с сожалением посмотрела на то место, где когда-то стоял их старенький дом, а затем начала невольно искать небольшой зелёный дом Моисейкиных. Пройдя ещё несколько шагов, показался и долгожданный дом бабы Маши и деда Вани.

Так с набежавшей слезой на глазах и вошла она в калитку.

Сделав несколько шагов, она услышала высокий голос бабы Маши. – Цып-цып-цып! Ну-ка смотрите, что я вам при-не-сла!

Светлана так и замерла на месте, стоило ей только выйти на свет из-за дома и показаться во всей красе. Она так и стояла с улыбкой на лице, переваривая бесконечно дорогой голосок бабы Маши.

Но тут сама баба Маша повернулась и, поправляя свои круглые очки, приблизилась к ней, качаясь во все стороны.

– Не пой-му... – запрочитала она, поворачивая набок то влево, то вправо свою голову. – Све-тка ты, что ли?

– Я, баб Маша... Я... – слёзы счастья брызнули из глаз Светланы, напрочь унеся её в то далёкое детство, когда крёстная её не только подкармливала свежим хлебом, но и спасала от простуды и болячек, нещадно хлеща в бане. И к удивлению Светланы, то ли простуда и болячки боялись её, то ли знала она какие-то свои хитрости, но так или иначе, Светка быстро выздоравливала.

– Ну, дак чё ты там сто-ишь-то? – запрочитала баба Маша. – Да-вай, про-хо-ди!

Так, согнувшись и переваливаясь с ноги на ногу как маятник, зашагала она домой, на ходу медленно по слогам говоря. – Ва-ня-то мне го-во-рил... Буд-то ты объ-я-ви-лася... Да я не по-ве-рила! А он го-во-рил, сле-до-ва-те-лем ра-бо-ташь...

– Работаю, баб Маша, работаю... – синхронно шагая маленькими шажками за бабой Машей, она мотала головой всем слогам, вылетающим изо рта хозяйки.

– Све-тка, исть-то бушь? – повернувшись всем корпусом к Светлане, баба Маша продолжала действовать так же, как много лет назад.

– Ой, спасибо, баба Маша, я поела... Потому не хочу! – немножко растягивая слова на манер бабы Маши, Светлана замахала руками.

– Ну, дак чо... Тол-ды лад-но... – она села за стол, как когда-то это делала, когда кормила Светку, и посмотрела на усевшуюся Светлану пристально. – Миш-ку-то, раз-бой-ника, дав-но не ви-де-ла?

– Так, говорили, будто без вести пропал в Афгане... – ответ сам выскочил из Светланы, невольно вызвав слезу.

– А ты не ве-рь... Бре-шут лю-ди... – подумав, произнесла баба Маша, потому что Мишку любила, хоть и был он соседский. – Го-во-рят, виде-ли ево на куз-не!...

– А я и не верю... – тихо произнесла Светлана, но баба Маша услышала.

И, встав, подошла к бабе Маше и поцеловала её в щёку. – Мне пора идти!

– Про-шшай, доч-ка... – обняв Светлану, баба Маша тихо на ухо ей произнесла. – А Миш-ку-то... Ишши...

Не в силах победить откуда-то взявшуюся тоску, Светлана встала и быстро вышла, на ходу вытирая слёзы...

5.

– Светлана Владимировна, гляньте! – криминалист позвал её рукой, приглашая к берегу реки, когда та вернулась. – След-то здесь не простой!

– И чем же он не простой? – усмехнулась Светлана, которая совсем недавно отошла от воспоминаний детства.

– А то, что один слабее другого... – улыбаясь, ответил криминалист. —Похоже, человек прихрамывает! И обувь-то какая-то древняя... Или самодельная!

Светлану словно иглой в сердце кольнуло от вопроса внутреннего голоса. – А может?

– Нет... Такого не может быть! – начала сама себя успокаивать. – Слишком много времени прошло...

– Но это не всё... – криминалист торжествовал. – Вы гляньте сюда!

И его палец показал довольно большой след от ботинка. – А вот и наш копатель! Я даже слепок сделал... Чуете, каков небольшой след? Такой запросто не смог бы керамикой угробить любого террориста!

– И что это нам даёт? – сомневающаяся во всём Светлана никак не могла успокоиться.

– Вот теперь наши опера и смогут поискать их! – криминалист довольно улыбался. – Хоть какие-то зацепки появились...

А те словно почуяли, что их помощь нужна: с разных сторон, но один за другим появились из-за домов усадьбы. Услышав объяснение криминалиста о том, что нужно сделать, они понимающе кивали головами.

Скоро их узик трясся по дороге в Балашов, которая была в ямах, как после бомбёжки...

6.

Однако дома их ждал сюрприз: стоило только войти в свой кабинет Светлане, как зазвонил телефон.

– Это следователь Белавина? – несмотря на какой-то треск в трубке, голос женщины был хорошо слышен. – Это прокуратура?

– Да, это прокуратура... И я – следователь Белавина! – ответила Светлана, стараясь через трескотню услышать слова женщины. – Говорите!

– Это из районной больницы... К нам... тут.. пациент поступил с пробитой головой... Хочет видеть кого-нибудь из прокуратуры!

– Хорошо, щаз буду! – подумав, ответила Светлана, но расспросить не смогла – трубку положили.

– Ну, и что ты думаешь по этому вопросу? – как всегда внутренний голос вместо конкретной помощи только сбивал с мысли. – Плюнь... Стоит ли ехать? А что, ежели каждый большой будет требовать следователя?

– Нет... Здесь что-то важное... – Светлана уже собиралась на встречу, интуитивно чувствуя, что это надо сделать...

В больнице её встретила молодая женщина в белом халате и как-то странно посмотрела на неё раз, другой, ведя в палату. Потом, видимо не удержавшись от любопытства, спросила. – Вы Белавина? Не Светлана ли? Не из Падов ли? Что-то в вас есть знакомое от моей подружки Светки Белавиной! Мы вместе с ней на одной парте в школе сидели!

Светлану как током ударило по нервам: она остановилась, повернулась к женщине, и, увидев знакомую улыбку подружки, сама не понимая, вдруг произнесла на одном дыхании. – Томка? Ты ли это?

– Я, Светка... – женщина бросилась к Светлане, целуя её и обнимая. – Где же ты так долго была, подруга моя, любимая?

Слёзы ручьём текли по щекам и закрытым глазам Светланы, которые целовала Томка, а она всё представляла свою подружку маленькой и шустрой...

– Ты, Томка, совсем не изменилась... – только и произнесла Светлана, открывая глаза и обнимая свою потерянную подружку. А из уст сами вылетели слова. – А у меня, кроме тебя, так никогда и не было другой подружки!

Вздыхнув и вытерев глаза и щёки, подружки улыбнулись и, отстранившись ненамного, посмотрели друг на друга: вот мы какими стали!

– Если меня не найдёшь в ближайшее время, сама найду и убью! – пригрозила Томка пальцем, улыбнувшись, и, взяв подружку под руку, повела в палату. – Теперь я знаю, где ты работаешь!

Светлана кивнула головой и, вошла в палату, накинув белый халат на плечи...

Она почти не удивилась, увидев невысокого и худого мужчину, обычные ступни которого были прикрыты одеялом. Голова его была забинтована полностью, кроме глаз и рта, а он даже чуть приподнял голову, чтобы приветствовать следователя.

Светлана посмотрела на Тамару и взглядом показала ей, чтобы та здесь больше не задерживалась. Кивнув ей головой, подруга удалилась с сожалением на лице.

Усевшись напротив больного, Светлана спросила. – Чем могу быть полезной?

– Меня звать Борис... Фамилия – Сомов! – представился больной вымышленной фамилией, чтобы замести следы, и закрыл на мгновение глаза. Брови его свелись вместе, а внешние углы губ опустились вниз, выражая скорбь. – Я знаю, вы ищите убийцу... Это я... Вазой! А он на меня с ножом... Я тогда руку завернул, а он упал на свой нож... Я выкопал клад Нарышкиных по карте, которую сам составил на основе расчётов...

Глаза его закрылись, а из них выбежала одна за другой две слезы на бинты. Придавлив их рукой, он продолжил.

– Это та самая карта, что была рядом с рукой убитого? – Светлана представила своего криминалиста и то, как тот мучается, разгадывая эту тайну. – А почему вы вложили её ему в руку?

– Да я не вкладывал никакой карты! Я в него запустил вазой... И ножом не ударил! – копатель отвернул голову в сторону, стыдясь глядеть в глаза Светланы.

– Ладно, это итак понятно: для большей вероятности, что его примут за копателя, вы намазали его одежду и сунули ему свою карту и артефакт, так?

– Не совсем так... – согласился больной. – Я, видать, измазал его глиной и песком, когда тащил к двери...

– А для чего «спираль Фибоначчи»? – неожиданно спросила она и увидела огромные от удивления глаза копателя.

– А как вы узнали про спираль Фибоначчи? – прошептал он, с восхищением рассматривая сидящую перед ним женщину. – Про это никто, кроме меня не знает!

– А наш криминалист сразу её узнал... – усмехнулась Светлана, вспомнив про Пал Николаича. – Только остальные значки ему не понятны пока...

– Так вот из-за этой-то карты я и позвал вас... – усмехнулся копатель. – Дело-то в том, что её я составил на основе изучения имени Нарышкиных... Другая, похожая на неё, но без спирали Фибоначчи, была мной найдена в керамической вазе с чьим-то прахом и медным зеркалом...

Он вздохнул и закрыл глаза, но скоро открыл, хитро прищурился.

– Но сначала я составил для себя такую же карту на основе изучения потайных комнат дворца Нарышкиных в Санкт-Петербурге... И применил к ней спираль Фибоначчи... Видите

ли, я в душе математик... И мне захотелось разгадать эту загадку. Сначала долго искал, в каком имени закопан этот клад, а потом, по какой математической формуле можно найти его. Но, когда по спирали Фибоначчи я открыл во дворце потайную комнату, то понял, что труды древних архитекторов не врут: они свои потайные комнаты располагали именно так!

Неожиданно он даже приподнялся, внимательно вглядываясь в лицо Светланы. Но потом, вдруг поник и даже отвернулся.

– Когда же дошёл до имени Нарышкиных в Падах, то понял: клад именно здесь и спрятан по спирали Фибоначчи! – произнёс холодным голосом без всяких эмоций. – Вот и стал разрабатывать разные варианты... Начал проверять реальность расчётов и в одном месте спирали нашёл керамическую вазу, карту и несколько блюдец. А тут этот бандит... Как вдарил меня по голове доской! Пришлось запустить в него керамику... Он на меня с ножом! Ранил... Я завернул ему руку, как нас учили, с его же ножом! А он упал прямо на руку с ножом... Я испугался... Потом измазал его глиной и песком, когда тащил до двери... Но не смог вытащить из дома на улицу... А когда очнулся – он оказался на берегу...

Он вздохнул.

– Но я ничего не взял: когда очнулся, найденные блюда я перенёс в другое место... Там оказался подвал и какой-то ящик! Кстати, при этом я убедился в том, что мои расчёты соответствуют расчётам тех, кто закапывал когда-то этот клад... Мне, кажется, в другом месте тоже имеется клад! И он должен быть намного важнее того, что был выкопан мной...

Светлана быстро записывала за ним всё, что говорил он, изредка поглядывая на него.

Он вдохнул больше воздуха: было видно, что ему трудно говорить.

– Вы не заметили, куда упал тот нож? – спросила она, понимая, что имеет дело с честным человеком.

– Там тряпок старых было много... Ищите нож там! – продолжая бормотать, ответил он. – Я видел, как разломалась керамическая ваза... Как из неё вылетело медное зеркало и карта... И пепел...

Видно было, что ему доклад даётся с очень большим трудом, так как он то и дело тёр лоб и глаза. Но тут он открыл их и посмотрел на Светлану.

– Я блюда и ложки спрятал в подвале, в одном месте... – произнёс он, снова в уже бреду повторяя уже сказанное, и закрыл глаза.

Вошедшая в это время Тамара, подошла к Светлане, и, положив ей руку на плечо и тихо сказал. – Прости, подруга, но ему больше нельзя разговаривать...

Светлана встала, и, повернувшись, пошла к двери. В голове снова всё перемешалось...

– Стойте! – больной поднял руку. – Вот это возьмите...

Светлана повернулась и подошла к больному: в руке его была свёрнутая карта.

– Светка! Здесь главный клад... Нужно разобраться... Сохрани! – он прохрипел из последних усилий. – Успей... До Сухова...

И отключился.

Тамара начала приводить его в чувство, а Светлана уже шла по коридору...

На то, что больной назвал её «Светкой», она даже не обратила внимания, думая, что это была Тамара...

7.

Меж тем к воротам Падовского санатория подкатила иномарка, из которой вышел аккуратно одетый мужчина средних лет с чёрной папкой под мышкой.

Вежливо распрощавшись с охранницей, он проследовал в санаторий, где в кабинете главврача незаметно подsunул под книгу посетителей большую шоколадку, чем совсем подкупил Сонечку.

– Сонечка, доложите Семен Ахкадичу, что к нему адвокат Бехгман! – распорядился он, повернувшись к зеркалу и поправляя свой красный галстук.

Сонечка, услышав такую обходительную речь, да ещё обеспеченную шоколадкой, немедленно выпорхнула из-за своего стола и полетела к своему патрону. Через секунду она воротилась и с обворожительной улыбкой, произнесла. – Шеф ждёт вас!

Посетитель важно прошёл к столу главврача, сел напротив него и молча уставился на главврача, который нервно теребил чистую бумажку.

– Семён Ахкадич... – ехидно улыбаясь прямо в лицо главврачу, посетитель произнёс. – Я от Суховея...

И тут же поправился. – Я от Бермятова Митрофана Ильича!

Главврач чуть не подпрыгнул от имени вора в законе, которого в Балашовском районе знали все уголовники, политики и кооператоры.

– У тебя в имении был убит человек, который ему инвестировал определённую работу... – услышал главврач то, что с одной стороны ласкало его слух (это фраза о том, что имение Нарышкиных стало его вотчиной), а с другой (это то, что был убит бандит Суховея) – пугало.

– Ну, так, вот, Суховой хочет получить плату за то, что в вашей санатории его лишили дальнейших инвестиций в хазвителие... – несколько не смущаясь, адвокат излагал требование Суховея. – Я бы хотел знать, ты как собижаешься отдавать: баш на баш... Или – бабками?

– Но я к этому не имею никакого отношения... – начал выкручиваться главврач санатория. – И территория имения Нарышкиных государственная...

– Суховея это совсем не интехесует... – адвокат постучал по полированной поверхности стола своим пальцем с ногтем, смотря прямо в глаза главврачу. – Так что же мне сказать Суховею? Баш на баш? Или бабки?

– Что значит «баш на баш»? – попытался выкручиваться главврач. – Кто-то убил вашего человека, а я, выходит, должен рассчитываться... И чем?

– Телом, соответственно... – адвокат внимательно посмотрел на главврача. – Нет Кафеля, не будет и тебя... Или, может, бабки?

– А сколько? – главврача уже просто трясло от страха: брови его поднялись, на лбу появились морщины, глаза расширились, рот открылся...

– Ну, вот! – обрадовался адвокат. – Это совсем другое дело!

И, не давая опомниться главврачу, добавил. – С тебя, Семен Ахкадич, всего-то один лимон! Или «баш на баш»? А то я пхямо сейчас скажу хебяткам... Они здесь, в иномахке!

– Нет! Нет! Нет... – главврача уже просто трясло от страха. – Я заплачу... Но только не скоро...

Адвокат, оперевшись ладонью о стол, встал с чувством исполненного долга, и, направившись к двери, обернулся. – Схок тебе даю один месяц, понял?

Главврач без сил упал на стол, как только адвокат Суховея вышел из кабинета, и прошептал. – Придётся бросить строительство семиэтажки...

8.

Меж тем, волосатая рука с дорогим перстнем и в красном пиджаке, подняла трубку зазвонившего телефона.

– Суховой... Это я, Кент... – послышался голос в трубке. – Следаки нашли копателя в райбольнице при смерти... Оказывается, Кафель-то наш, его всё-таки порезал...

– А где клад он им сказал? – недовольно пробормотал Суховой.

– Мне про это ничего не доложили... – удивился Кент. – Может его потрясти самому? Про клад-то!

– А ты чего ещё здесь стоишь? – возмутился Суховой. – Ты должен был раньше следаков там оказаться! А ты? Ищи клад! Пошёл вон, бездельник!

На другой звонок не обратил внимания никто, однако там прозвучало. – Редька, что-то наши друзья зашевелились... В Пады их зачем-то потащило...

В ответ получил. — Ты бы сначала выяснил, что и как, а потом уж звонил мне!

— Моё дело доложить свои сомнения, да получить указания... — произнёс первый и положил трубку...

Светлана пришла к себе в кабинет, села, открыв карту, лазила-лазила по ней, но всё безуспешно. Тогда и позвонила по телефону своей команде, став их дожидаться. Когда все собрались, она всё ещё обдумывала, что и как им сказать.

— Я была в районной больнице... — начала она свой рассказ. — Туда привезли больного... Его ударил Кафель доской по голове, а он кинул вазу в ударившего его доской. Тот ударил его ножом, а он извернулся и ударил Кафеля его же ножом. Кафель упал. Тогда копатель начал его вытаскивать из дома. Говорит, что из-за карты и вызвал меня!

Все напряглись: теперь понемногу становилось понятно, почему она сидит в таком удручённом состоянии!

— Он назвался Борисом Сомовым... — и тут же ткнула пальцем в младшего опера. — Ваня, ты бы поискал среди копателей, есть ли такой? Ведь при нём документов не было...

Вздыхнув, продолжила. — Ну, так вот он сказал, что копал в двух разных местах по своей карте... Собственно, мы только одно обнаружили, а другое — в соседнем доме в подвале...

Она повернулась к криминалисту и произнесла. — Кстати, Пал Николаич, что у нас с этим артефактом? Не пора ли нам познакомиться с ним поближе?

— Заканчиваю... — ответил тот, кивнув головой. — Пальчики на карте Кафеля есть, это точно! Я бы после этого назвал Кафеля Кошеем Бессмертным! Ведь теперь его имя записано в документах...

Все сидящие вдруг заулыбались. А криминалист продолжил. — А на артефакте есть и другие, но чьи — непонятно... К моему удивлению и радости в карте использована спираль Фибоначчи! Давно ничего такого не видел... Да, документы на имя иностранца у Хермана оказались поддельными!

— Так это потому, что копатель наш, оказывается, в душе математик! — Светлана ухмыльнулась и весело посмотрела на криминалиста. — Оказывается, он нашёл в дворце Нарышкиных в Санкт-Петербурге одну потайную комнату, но не решился её открывать! Вот и решил применить свои математические способности в Падах... С помощью спирали Фибоначчи в имении Нарышкиных в Падах, он вычислил и считает, что в том самом углу разваливающегося здания имения Нарышкиных в Падах под номером «один» закопан самый маленький клад, а в месте под номером «два» — очень важный клад.

Она посмотрела на криминалиста, который с восхищением слушал её речь и на Ивана, который просто сидел с открытым ртом, и спохватилась. — Да, оказывается, свой первый клад в виде нескольких блюдцев он зарыл на месте второго угла этой комнаты. А вот в соседнем здании есть подвал. Таким образом, копатель считает, что там есть клад, и он больше, чем первый!

— Да сюда олигархи помчатся рекой... — тихо произнёс Виталий, нахмурившись и опустив голову. — А ведь это государственная собственность!

Светлана порылась в столе и достала карту, которую передал копатель.

— Вот, посмотрите на эту карту! — произнесла она, передавая её криминалисту. — И скажите свои предложения!

— А что означают эти слова на обороте карты «ярусность, разнородность структуры и декоративной отделки, двойственный масштаб — сочетание мощной вертикальной башни и миниатюрных узорных деталей»? — поинтересовался криминалист.

— Не знаю... — замотала головой Светлана, внимательно смотря то на криминалиста, то на оперов. — Потому и позвала вас!

— Может, надо спросить у копателя? — поинтересовался Пал Николаич. — А, может, есть ещё больший клад, только для этого надо восстановить весь исторический комплекс имения Нарышкина в Падах? Текст-то современный на обороте, сильно отличается от давнишнего...

– Хотелось бы... Да в больнице он был без сознания! – ответила Светлана, но уже с большей радостью, чем было до этого.

– А про то, чей нож вы не спрашивали его? – поинтересовался опер Буеславов.

– Да, я спрашивала, чей нож... Более того, он сказал, что нож принадлежит нападавшему на него, а блюдца копатель спрятал в другом углу комнаты... – Светлана на мгновение опустила голову, повернула покрасневшее лицо в сторону. – Ну, нож мы нашли... Но, к своему сожалению, я место так и не нашла на карте! Здесь мне понадобится ваша помощь...

– И ещё... – она прямо посмотрела на свою команду. – Перед тем, как ему стало плохо, он отдал мне эту карту и попросил успеть до какого-то Суховея...

– Суховой... Суховой... – задумавшись на мгновение, произнёс тихо криминалист. – Это не наш ли местный отец бандитов? Борутов Митрофан Ильич?

– А ты, Пал Николаич, ждешь, чтобы сюда чужой отец бандитов пожаловал? – подал свой голос старший опер. – Конечно свой...

– А чё, сразу обоих и возьмём! – улыбаясь, произнёс младший опер.

– Обожди, нам ещё с одним горя хватит... – пообещал криминалист, строго посмотрев на младшего опера, и благосклонно – на Светлану. – Давай-ка, голубушка, рассказывай дальше...

– Вернёмся к той карте... – Светлана достала из ящика карту с какими-то пометками и спиралью Фибоначчи. – Смотрите сами!

И передала её криминалисту, к которому тут же вытянули свои шеи опера.

– Да тут чёрт ногу сломает! – возмутился криминалист. – Сроду таких обозначений не видал, кроме спирали Фибоначчи...

Оба опера согласно закачали головами.

– Слушай, матушка... – криминалист поднял указательный палец правой руки вверх. – А что, если показать эти знаки черным копателям? Может, они знают, как эти знаки расшифровываются?

– Ну, давай, им эту карту покажем... – брови старшего опера опустились, нос сморщился, нижняя губа выдвинулась вперёд, словно он собрался сплюнуть какую-то гадость. – Ты думай, Пал Николаич, что предлагаешь? Да они тут же её и запомнят! И раскопают клад без нас...

– А если эти значки срисовать на отдельный лист? – улыбаясь, не сдавался криминалист. – Тогда совсем будет другое дело: и значения узнаем, и карта у нас будет!

Светлана и младший опер улыбнулись.

– А он не зря про Суховея вспомнил... – задумавшись, произнёс старший опер. – Пока вы будете тут значки разгадывать, он из больницы возьмёт этого копателя и найдёт этот клад! Или прикончит, чтобы никому не достался...

– Верно! А я об этом совсем не подумала... – произнесла Светлана, с уважением посмотрев на старшего опера. – Может, Виталий, вы с Иваном его покараулите в больнице? Или его перевести к нам поближе?

– Хорошо, мы прямо сейчас туда слетаем и всё узнаем... – заверил старший опер. – Только чую я, раз Суховой взялся за это дело, одним бандитом всё это не обернётся...

– Типун тебе на язык! – произнёс криминалист. – Мне и от этого бандита дел до хрена... Никак не управлюсь... Да ещё с ножом...

Команда разошлась озабоченная, однако все признались, что мёртвое дело стронулось с места.

Глава 3. Суховей и другие

1.

Мысль навестить старого прокурора пришла совсем неожиданно и, подавшись ей полностью, Светлана отправилась к нему, как лучшему советчику в самых запутанных случаях.

Дмитрий Васильевич оказался дома и с раскинутыми руками, улыбаясь, встретил её прямо перед порогом. – Какие люди! Какие люди... Я уж думал... Всё! Забыли!

– Дмитрий Васильевич... Вы уж извините за беспокойство! – пробормотала Светлана, раздеваясь. – Нужда заставила...

– Вот и хорошо! – произнёс он отеческим голосом, провожая её. – Давай, проходи на кухню! Сначала чаёк, а потом уж все дела...

Заглянув в комнату, негромко крикнул. – Маша! Ты погляди, кто к нам пришёл!

На его призыв откликнулась жена, вышедшая из соседней комнаты.

– А-а-а, Светочка! – улыбаясь Светлане, произнесла она. – Прходи на кухню, щаз чайком угошу!

Светлана неожиданно почувствовала себя так, как будто оказалась дома.

– Ну, давай, рассказывай! – Дмитрий Васильевич пошевелил свой серо-седой ёршик волос, показывая на табуретку у стола.

– Дима... – укоризненно посмотрела на мужа Марья Сергеевна. – Ну, дай ты Светочке сначала хоть чаю попить! А потом и расспрашивай!

И хозяин засуетился, выставляя на стол пряники, сушки, сухари и масло, о котором Светлана уже перестала мечтать. А он, улыбаясь, со словами: «Потом съешь мой гостинчик!» начал складывать в её карман сушки и пряники...

Незаметно в руках её оказался стакан с горячим чаем, и маленькая ложечка с сахаром. Марья Сергеевна, понимая, что при такой пустоте магазинов и безденежье, Светлана никогда не решится сама положить себе сахар, тут же положила его три ложки в её стакан.

Нарезав хлеба и намазав три куска маслом, хозяин уселся напротив Светланы и стал ждать, когда та закончит пить чай.

– Спасибо, Дмитрий Васильевич, Марья Сергеевна! – улыбаясь, Светлана встала, поклонилась им в пояс и произнесла своё фирменное изречение. – Не дали помереть бедной крестьянке!

Марья Сергеевна встала из-за стола, показывая им, что теперь могут вести свои деловые разговоры, и начала убирать со стола.

– Ну, давай, рассказывай, что у тебя стряслось... – как это было обычно при ежедневных разборах происшествий, произнёс он, как бы открывая ей возможность рассказать всё. – Итак, вы поехали в Пады и нашли там человека на берегу реки Хопёр...

– В руке у него было медное зеркало, а под рукой – карта... – начала Светлана. – Пал Николаич с ней сейчас работает... Картина там была такая: некто Борис Сомов начал копать клад по вот такой карте...

И, порывшись в своей папке, она подала своему шефу карту копателя со спиралью Фибоначчи.

– Нападавший (по паспорту – американец, а по всем повадкам – кто-то из наших) по кличке «Кафель» напал на него, ударив по голове доской, когда тот в первой яме (на карте она обозначена цифрой «один») выкопал керамическую вазу да некоторое количество серебряных и золотых блюдец... Сомову ничего не оставалось, как запустить в него керамической вазой... Из вазы посыпался пепел, вывалилось медное зеркало и карта, прямо в голову бандита.

Но бандит ударил его ножом, а Сомов, извернувшись, закрутил ему руку и ударил Кафеля его же ножом. Такую же карту он сделал в Санкт-Петербурге для дворца Нарышкиных. Он считает, что даже нашел одну из потайных комнат дворца...

Она вдохнула больше воздуха и продолжила.

– Вот эта карта... – Светлана подала своему шефу старую карту, которую тот сразу же начал рассматривать, хотя знаком показал продолжать свой рассказ. – Кафель после того, как упал на свой нож, умер, а Сомов начал вытаскивать его из дома на свежий воздух. Но тут ему самому стало плохо и он отключился. Когда же очухался, бандит лежал на берегу с зеркальцем и картой в руке. Нож нашли среди досок пола. А Сомов, очнувшись, взяв золотые и серебряные блюда, их спрятал в то ли во втором углу той же комнаты, то ли в подвале другого дома, и говорил о кладе, пометив место захоронения на своей карте под номером «два». Сам же Сомов через несколько дней вызвал меня в райбольницу и всё рассказал. А также отдал эту карту, считая, что Суховой скоро до неё и клада доберётся...

– Светлана Владимировна, а ты охрану к нему приставила? – вдруг спросил Дмитрий Васильевич.

– Да в том то и дело, что Буданов нас то и дело отправляет в Пады чуть ли не искать клад! Чё он ему дался, никак не пойму... – возмутилась она, одновременно оправдываясь. – Я только сегодня отправила оперов к Сомову в больницу...

– Да, это плохо... – произнёс бывший прокурор, думая о чём-то своём. – Суховой может опередить... Так чем я тебе могу помочь?

– Как расшифровать эти значки? – Светлана посмотрела с надеждой на своего руководителя. – Никто в команде не знает этого... Вот я и пошла к вам!

– А как же убитый оказался у реки? А карта – в его руке?

– Мы нашли свидетеля, который в условиях раннего утра видел, как кто-то оттащил его из дома Нарышкиных на берег реки и вложил ему медное зеркало и карту в руку... – Светлана видела, как хозяин внимательно рассматривает значки на карте. – И почему-то после этого по берегу перешёл по мосту на другую сторону Хопра... Пал Николаич говорит, след правой ноги у него был какой-то особенный... Вот такие у нас дела!

– А что говорит Трофим Михальч?

– Да ну его! – возмутилась Светлана. – Какой-то ненормальный... Дай ему клад и больше ничего! Ни совещаний, ни рекомендаций, ни указаний... Всё время где-то пропадает! Один раз только заслушал доклад...

И она с надеждой посмотрела на Дмитрия Васильевича.

– Да-а-а... Суховой всё, что связано с кладом на его вотчине, не упустит... – усмехнувшись, произнёс бывший прокурор.

– А как насчёт значка клада? Может, что посоветуете?

– Был у меня только один случай, когда пришлось иметь дело с кладоискателями... – воспоминания отразились на его лице. – Вот тогда и пришлось мне заняться изучением таких значков...

– А что касается клада, который оставил Сомов, наиболее заслуживают две точки на карте Сомова: вот эта! – и он показал пальцем на мелкий значок с номером «один» на карте. – И вот эта точка под номером «два»! Увы, никогда нельзя в таких делах быть уверенным на все сто процентов... И раздели дела на части: одно – по убийству уголовного, другое – про клад... Возможно, придётся открывать дело по убийству бандита... Не забудь: у тебя ничего не известно про беглеца, и про нож!

Вздыхнув, Светлана встала, прощаясь...

– Слушайте, Светлана Владимировна... – хозяин вдруг хитро улыбнулся. – Вызову – ка я тебе на помощь моих друзей с Свердловской области... Они помогут тебе разобраться с твоими артефактами!

– Ой, да это было бы очень хорошо! – улыбнулась Светлана и, поклонившись хозяевам, добавила. – Спасибо вам, люди добрые!

– Приходи, Светочка, ещё! – это хозяйка, смущённо улыбаясь, прощалась с ней, а прокурор отделался только кивком головы...

2.

Не успела она войти в свой кабинет, как её догнал опер Буеславов со словами. – Светлана Владимировна, мы Кента поймали! Он Сомову яд в капельницу закапал!

– То есть, как это «поймали»? – ещё не веря в то, что услышала, тихо произнесла она.

– Вечером того дня, как вы были у него, Сомова откачали... – Буеславов наклонился к ней поближе, чтобы тихо произнести. – Когда мы пришли в райбольницу, Иван остался снаружи, а я спрятался под соседней кроватью. И не зря: Кент пришёл разодетый как доктор... Парик, усы... То да сё! Иван-то его пропустил, а я уже однажды с ним встречался... До сих пор на ноге шрам от пули имеется...

Он вздохнул и невольно дёрнулся рукой к левой ноге, добавив. – Хитрый мужик...

– Ну? – само собой выскочило у Светланы.

– И здесь только поговору и узнал! – Наумов улыбнулся. – Ты представляешь, эта гадина уже в капельницу яд через шприц начала впрыскивать! Ну, я и вдарил ему по шее... Иван на грохот влетел... Ну, мы и скрутили его!

– А где он сейчас? – поинтересовалась Светлана.

– В ментовке... Мы его спрятали так, что Суховой не достанет...

– Суховой... – тихо произнесла Светлана. – Всё же это его человек... А прокурор знает?

– Нет! – усмехнулся старший опер. – Пока никто не знает... Кроме вас, естественно...

Но и Сомов исчез: сбежал из больницы! Теперь он так спрячется от Суховея, что мы вряд ли его найдём... Если останется жив... У копателей так бывает: клад нашёл – жди смерти!

Зазвонил телефон. Светлана взяла трубку, из которой тут же донёсся женский голосок. – Светлана Владимировна, вас к прокурору!

Прокурор Буданов сидел за своим столом и о чём-то сосредоточенно думал настолько, что приветствие следователя просто, а, может, сознательно, не заметил.

– Светлана Владимировна... – холодный голос прокурора ничего хорошего не предвещал. – Когда вы закроете это дело?

– Да хоть сейчас! – дерзко ответила Светлана и рассмеялась, увидев страх в глазах прокурора.

– Не понял?! – лицо прокурора побелело от злости.

– А чего тут не понять? – усмехнулась Светлана. – Мы нашли человека, убитого на берегу Хопра в Падах. Это уголовник из банды Суховея по кличке «Кафель» с поддельными документами иностранца. Он напал на человека, раскапывающего клад Нарышкиных, но был убит защищавшимся копателем. Бориса Сомова, копавшего там, мы нашли в райбольнице при смерти от полученных от Кафеля ранений головы. Сегодня на него напал другой уголовник из банды Суховея по имени Кент, закапав яд в капельницу. Кента поймали и арестовали на месте преступления. Копатель, воспользовавшись ситуацией, исчез, и в больнице его больше нет. При этом в больнице он был при смерти. Всё! У нас нет ни убитого, ни убийцы, плюс есть человек из банды Суховея, покушавшийся на убийство копателя... Можно закрывать дело!

Прокурор смотрел на своего следователя, моргая глазами.

– И это всё? – только и произнёс он.

– Да, с убийством уголовника всё! – твёрдо произнесла она. – Всё в соответствии с законодательством!

– А как же клад? – наконец, не выдержал Буданов.

– Поиски клада в нашу компетенцию не входят! – твёрдо произнесла Светлана. – А вот покушение на убийство Сомова требует открытия нового дела!

– Как? Копатель исчез? – прокурор схватился за голову, наконец, поняв, что произошло. – Как же так? Как же теперь найти клад?

– Повторяю, копателя хотели убить умышленно люди Сухова, прямо в больнице. К нему приходил переодетый врачом убийца и влил яд в капельницу. При этом я сама перед этим проверяла, Сомов был при смерти! – без всякой эмоции Светлана чеканила каждое слово, доводя до изнеможения Буданова. – Так что я приостанавливаю первое дело и открываю новое дело по отношению к покушению на убийство Сомова, которого ещё надо найти!

– Ой! Иди ты Белавина, куда хочешь! – замахав руками на Светлану, истерически закричал Буданов. И тихо добавил. – Всё пропало! Всё пропало...

Светлана встала, усмехнувшись, и вышла, оставив прокурора сидеть с руками, обхватившими свою голову.

3.

У секретарши прокурора Буданова зазвонил телефон.

– Это адвокат Бехман! – произнёс мужской голос на другом конце провода. – Мне нужен прокурор Буданов по личному делу.

– Щаз... – грубо, но со страхом ответила секретарша и тут же вежливо и с любовью произнесла. – Трофим Михалыч... Тут вас адвокат Бергман добивается...

– Дай мне его... – безразличным голосом ответил прокурор. И тут же был переключён на разговор.

– Это Тхофим Михалыч? – раздалось в трубке.

– Да, это Балашовский прокурор Трофим Михалыч Буданов! – представился прокурор. – А я с кем имею честь?

– Это Бехман, Абхам Исакович, адвокат Бехмятова Митхофана Ильича, беспокоит... – раздалось в трубке. – Так вот, Тхофим Михалыч, у Бехмятова Митхофана Ильича есть пхосьба встехетиться в личной обстановке...

– И где предлагаете? – после небольшого обдумывания спросил прокурор.

– В начале соснового боха пхи повохоте на Хомановку... – и, чтобы успеть заинтриговать прокурора, тут же добавил. – Надеюсь, не пожалеете!

– Когда? – прокурор сделал паузу, прежде чем спросил.

– Давайте сегодня в двадцать вечеха... Лесок слева на выезде из Балашова пехед повохотом на Хомановку... – адвокат снова стал ждать ответа. – Пхиейжайте один... Безопасность гахантихована!

– Хорошо, сегодня, в двадцать... – произнёс Буданов и осторожно положил трубку.

– Интересно, что же Сухова от меня надо? – тихо произнёс он и посмотрел на часы. – Так-так... Личная встреча... Нужно ли подстраховаться? А, может, он за своего человека похлопотать хочет? Едва ли: послал бы своего адвоката! Тогда что?

Понимая, что в этом случае всё может пойти не так, Буданов решил подстраховаться магнитофоном, посмотрел на часы и вздохнул: до встречи оставалось целых четыре часа.

– «Если не вернусь, ищите меня у Бермятова». Написал он на бумаге и, поставив дату и время, положил её прямо на стол...

Стемнело. Буданов посмотрел на часы, поправил магнитофон и сел в машину. Через полчаса он уже подъезжал к сосновому лесу перед поворотом на Романовку. Притормозив, он свернул налево и поехал по лесной дорожке. Скоро его фары высветили иномарку, прижавшуюся к лесу. Стоило ему остановиться и выйти, как к нему подошел человек среднего роста.

– Здравствуй, Трофим Михалыч! – произнёс он. – Это я, Бермятов Митрофан Ильич, будем знакомы! Предлагаю пройтись... Есть разговор!

Протянутая рука и мирный тон встречавшего человека, тут же дали понять прокурору Буданову, что прямой опасности для него пока не существует. Кроме того, осторожно включив магнитофон, он решил перестраховаться.

– Хорошо... – ответил прокурор, протягивая руку Бермятову. – Но только недолго!

– Трофим Михалыч, вы арестовали моего человека... Да и один погиб от руки копателя клада Нарышкиных... – Суховой вдохнул больше воздуха, чтобы продолжить. – Я хотел бы возместить вам затраты по этому вопросу... Вы прекращаете дело, а я выплачиваю вам лично за это десять лямов!

– Ваши люди пытаются убить больного человека, а вы считаете, что этого достаточно для прекращения дела? – деланно возмутился Буданов.

– Трофим Михалыч, побойтесь бога! – Суховой усмехнулся: торг оказался возможен. – Я понимаю, вы – человек высокого полёта... Меня поставили здесь смотреть за порядком... Да, мой человек перестарался... Но копатель жив, хотя и нарушил порядок, предусмотренный нашими предками, по которому никому, кроме потомков Нарышкиных, клад копать нельзя... Мой человек будет мной наказан! Я же предлагаю вам пятнадцать лямов и поддержку в продвижении по служебной лестнице!

Сердце Буданова ёкнуло от такой перспективы.

– Допустим, я соглашусь... – произнёс Буданов, с трудом сдерживая улыбку. – И как вы собираетесь это сделать?

– Не буду раскрывать своих секретов, но вы останетесь от всего этого в стороне... – произнёс Суховой. – И пойдёте на повышение со счетом в банке... А, как вы распорядитесь деньгами, это меня совсем не интересует...

– Скажите, зачем вам это надо? – не удержавшись, спросил Буданов.

– Я ведь уже сказал... – ухмыльнулся Суховой. – Меня поставили смотрителем в Балашовский и другие районы... И в первую очередь, за усадьбами Нарышкиных... А их у них было около тридцати... И ни каких раскопок! Вот так...

– И кто поставил? – Буданов всё же задал вопрос, который вертелся у него в мозгу.

– Я же не спрашиваю, кто вас сюда направил! – жестко отреагировал на данный вопрос Суховой, но, смягчившись, добавил. – Такие же люди, как и вас... Или, может, нужно, чтобы был звонок сверху?

Разом сообразив, что в этом случае он потеряет хорошую сумму в деньгах, Буданов быстро ответил. – Ну, зачем же сверху? Мы и так договоримся! Я согласен на ваши условия...

– Ну и хорошо... – Суховой протянул прокурору руку. – Итак, пятнадцать лямов на ваш счёт в банке и поддержка в продвижении, а вы не предпринимаете никаких усилий. Всё произойдёт само собой! Рад был с вами пообщаться!

Буданов ещё постоял немного в одиночестве, видя, как машина Суховея медленно скрылась за поворотом, сел в машину и направился домой. То, что он узнал сегодня, выворачивало всё наизнанку...

4.

Не успела Светлана занять своё место за столом, как голосом Сонечки прокурор Буданов распорядился немедленно прибыть к нему для получения новых распоряжений.

Чувствуя, что на этот раз Будан (так с этого момента про себя стала называть его Светлана) придумает что-то особенно паршивое, с отвратительным настроением, взяв с собой документы, она пошла в кабинет прокурора.

– Так, Светлана Владимировна, ты закрыла дело по убийству Суховеевского человека? – в голове Будана зазвучала нотка презрения.

– Закрываю... – холодно отозвалась Светлана.

– А что по делу копателя? – он сморщился и наклонил голову, вспоминая, как зовут копателя. – Как его?

– Бориса Сомова... – подсказала Светлана.

– Вот-вот, Сомова? – повысив голос, небрежно спросил Будан.

– Открыла... – без всяких комментариев, холодно отозвалась подчинённая.

– Значит, так! – образовалась пауза, при которой Будан отвернулся к окну, чтобы не выдавать своего личного отношения к данному делу. – Кента, то есть Бочарова Андрея Викторовича, выпустить, а дело закрыть!

– То есть, как это выпустить? – возмутилась Светлана. – Имеется покушение на убийство, а я должна выпустить?

– Ты, вот что, Белавина... – смягчился в голосе Будан. – Займись другим делом! Что, у тебя других дел нет? Прицепилась к одному и занимаешься им! А другие дела в это время стоят!

Светлана хотела возразить, даже рот открыла, соображая, что же задумал Будан.

– Знаешь, что... Пожалуй, оставь это дело мне... – в голосе Будана прозвучала просьба, что немало удивило Светлану. – Я сам им займусь! И иди, Белавина, не нервируй меня!

Светлана положила на стол дело Бориса Сомова с грохотом, выражая своё отношение к распоряжению прокурора, на что Будан ответил ангельским голосом. – Ну, что стоишь, Белавина? Иди, давай! Работай... У тебя других дел, что ли нет?

Светлана вышла, до конца не понимая, почему Будан так поступил.

– Думаешь, пожалеть тебя решил? – напомнил о себе внутренний голос.

– Ага, держи карман шире! – ответила ему Светлана, ехидно улыбнувшись в адрес Будана.

Скоро ей сообщили, что по распоряжению Будана Кент вышел на свободу, поскольку его дело было закрыто...

5.

Всё бы было хорошо, да резкий звонок испортил благостное настроение.

– Светлана Владимировна, это я, Оксана Сергеевна Королёва... – в трубке образовалась пауза, а потом снова раздался мелодичный голосок девушки с собачкой из Падов. – Я тут сегодня снова по берегу прогуливалась...

– Ну и что? – невольно ядовито вырвалось у Светланы. – Снова на дорожке лежит убитый? Или у него теперь в руке топор?

– Да что вы? Совсем не это! – начала оправдываться Оксана. – Вы же сами сказали мне, чтобы я наблюдала... Вот я и наблюдала!

– Ну, и что увидела?

– Вы знаете... Мне, показалось, что кто-то ходит по ночам в соседнем доме рядом с тем, где был обнаружен копатель... – сомневаясь, неуверенно произнесла она.

– Так показалось или ходит? – злясь на себя и Будана, Светлана невольно резко разговаривала с ни в чём не повинным человеком.

– Я днём дважды заходила туда... Такое впечатление, что там яма стала глубже... – снова тем же голосом произнесла девушка. – И там появилось небольшое отверстие...

– Так это же мог сделать Борис Сомов! – вмешался внутренний голос. – Скажи спасибо этой девушке, а не лай на неё, как собака!

Неожиданно внутренний голос отрезвил и вернул Светлану в нормальное состояние.

– Спасибо тебе, Оксаночка! – уже человеческим голосом произнесла Светлана, добавив. – Продолжай наблюдать! Твои наблюдения очень полезны нам...

Когда та положила трубку, внутренний голос вдруг спросил. – А что, если Борис Сомов очухался и сам потихоньку начал там копать во втором месте? Мы думаем, что он сбежал куда-то далеко, а он там? И что будет, если Суховой об этом узнает?

– Что будет... Что будет... – проворчала Светлана. – Новое нападение на него будет! Труп будет, вот что!

Представив себе, чем это может обернуться, она вызвала для совещания свою прежнюю команду. Коллеги дружно поддержали её мысль о том, что надо ехать в Пады и ловить Сомова до того, как это сделает Суховой.

Узнав, что Будан куда-то укатил, она сама приняла решение отбыть одной на автобусе в Пады...

Дорога в Пады на автобусе Светлане показалась короткой.

— Что боишься? Не знаешь, как разговаривать с Мишкой? — напомнил о себе внутренний голос.

— Не знаю... — честно призналась себе Светлана. Она смотрела на убегающие деревья. А страх перед неизвестностью упорно съедал её сердце. Брови её поднялись, через лоб прошла горизонтальная морщина, глаза расширились, а рот немного приоткрылся. — А вдруг возьмёт и пошлёт куда надо! Я с ним вон сколько лет не общалась...

И невольно начала было считать годы, но тут же бросила. Почему-то в голову опять влез Серёга.

— Да пошёл ты... Предатель! — брови её опустились и снова поднялись, демонстрируя сначала отвращение, а потом презрение, нос сморщился, а нижняя губа невольно выдвинулась вперёд. — Надо же, сколько лет на него потратила! Не могла раньше эту гадину разглядеть!

Дорога извернулась как змея, соглашаясь с её мыслями и показывая ей, что жизнь в реальности вовсе не такая прямая дорога...

— А Мишка? Какой он стал? — и неожиданно ей стало стыдно, что вот так приходится идти на поклон к нему. Голова её опустилась, глаза начали бегать от одного промелькнувшего деревца к другому. Это новая мысль обухом ударила по голове. — А вдруг у него семья? А я тут лезу со своими делами...

— То есть как это со своими? — это внутренний голос спасал свою хозяйку, подкидывая ей очередной круг. — Ты же едешь к нему, в первую очередь, как классному кузнецу, а во вторую — как другу!

— Точно! — облегчённо вздохнув, подтвердила она, спрятав глубоко — глубоко свои личные переживания: теперь это была деловая женщина, которая сделала опору на давнишнюю дружбу. И дальше она хладнокровно распределяла то, что нужно было делать...

Дом Мишки она хорошо знала ещё с детства и верно шла к нему по самой короткой дороге через проулок. И всё-таки рука её дрогнула, когда появилась необходимость дёрнуть за верёвку от щеколды, закрывавшей дверь. Но к её удивлению и радости дверь быстро открылась. Пройдя несколько шагов до последнего окна перед дверью, она постучала в него, как это делал почтальон в её детские годы.

Светлана не сразу же узнала лицо Мишки, так он изменился с тех детских пор, когда они были одной командой. Но что-то в ней говорило — это он.

Михаил, увидев Светлану, даже на какое-то время забыл, зачем выглянул в окно.

— Светка... — только и произнёс он, по глазам узнав её, и тут же вылетел на крыльцо.

Светлана стояла и смотрела на высокого мужика с густой бородой и усами.

— Что, мало в этом мужике осталось от того паренька, с которым ты дружила? — тут же подъял внутренний голос свою хозяйку, которая молча стояла и смотрела, не отрываясь от того, кто стоял перед ней, и улыбался, не говоря ни слова.

Светлана, невольно увидев улыбку Михаила, тоже начала улыбаться, забыв, зачем пришла.

— Светка... — донёсся до неё густой басок бородача, который от волнения рукой тёр свою бороду. — Ты ли это?

— Ты чё молчишь — то? — это внутренний голос начал свою разъяснительную работу. — Так-то он подумает, что ты вообще говорить не можешь!

— Я... — сглотнув накопившуюся слюну, произнесла давнишняя подруга Михаила, поражаясь его внешности, которая почему-то ей всё больше и больше начинала нравиться.

— А я... Вот здесь... Кузнецом работаю... — произнёс бородач, начиная приходить в себя.

— Ну, хоть бы посадил тебя куда-нибудь! — напомнил внутренний голос.

И Михаил, словно услышал его, вдруг засуетился, очищая скамейку от хозяйского хлама рукой. — Садись!

Светлана смотрела на него и удивлялась. — Вообще, тот ли Мишка этот мужик?

Перед ней стоял высокий, крепкий и широкоплечий мужчина, с опалённым огнём лицом и волосами, который как-то не совсем плавно двигался, пока очищал скамейку, да и при выходе она заметила некоторую странность в походке.

— Уж не тот ли это человек, который оставил на берегу у Нарышкиных неравномерные следы? — вмешался внутренний голос, охладив её любование кузнецом.

И Светлана невольно начала трезветь от нахлынувших воспоминаний.

— Михаил... — осторожно произнесла она имя, которое почему-то боялась произнести. И, рубанула сразу. — Это ты был на берегу у Нарышкиных?

— Я! — улыбаясь преображению девушки в следователя, твёрдо и ничего не боясь, произнёс он, кивнув головой. — Когда увидел, что Борька попал в такую передрагу...

— А ведь ты невольно стал соучастником убийства! — осторожно подбирая слова, произнесла Светлана уже как следователь.

— Ну и што? — ухмыльнулся Михаил. — Мы с Борькой в Афгане и не в таких ситуациях были! Там без помощи друга не выжить! А здесь... Тем более, што он защищался!

— А ты сам это видел? — спросила она, внимательно смотря Михаилу в глаза.

— Конечно видел: он мне сам сказал, што пойдёт копать клад. — спокойно произнёс Михаил. — Хоть я ему и не советовал это делать... Но ведь Борьку не отговоришь! Это-то я за много лет дружбы хорошо усвоил... Поэтому и пришлось учинить проверку...

Он вздохнул, сел спокойно рядом с ней, достал папироску и закурил.

— Прихожу, а там драка: какой-то неизвестный доской его по голове... Трах! Борька не растерялся и вазой в его голову! Тот вытащил нож и кинулся на Борьку... А он перехватил руку с ножом приёмом, которому нас учили в армии, и его же рукой и направил его в живот! Тот и упал... — Михаил снова затянулся. — Борька потащил его к выходу, да, видно, от удара, а, может, от копания-то весь выдохся... Отключился! Ну, я тогда не мешкая, взял нападавшего под мышки и задом к берегу реки... Сунул ему бумагу, да какую-то медную хреновину, што выпали из расколовшейся вазы в руку убитому... Так што Борька-то не виноват...

Он снова затянулся и какое-то время сидел молча, а потом легонько локтем её толкнул. — Мне говорили, будто ты следователем работаешь, да я не верил... А по твоим вопросам вижу, это правда!

— Ну и что? — слегка возмущившись, и с некоторой ехидцей спросила Светлана. — Так из-за этого и поговорить со мной нельзя?

— Да нет, конечно... — смутился Михаил и по-новому посмотрел на свою давнюю подружку, у которой отлегло от сердца от того, что не придётся садить неповинного друга в тюрьму.

В тот день они о многом разговаривали... Назад Светлана вернулась загадочно улыбаясь.

6.

— Может, не будешь садиться? — садистски издеваясь над уставшей хозяйкой, напомнил о себе внутренний голос. — Всякий раз, как ты садишься утром на своё рабочее место, звонит телефон...

— Отстань! Лучше бы подумал над всем этим? Откуда оно взялось и что даёт... — ответила ему хозяйка и уселась на своё рабочее место.

Не успела она провести рукой по спустившимся на лицо волосам, чтобы убрать, как зазвонил телефон.

— Ну, я же говорил! — торжествующе заявил внутренний голос, но тут же смолк: хозяйка никак не хотела реагировать на его слова.

– Да... Я слушаю... – произнесла она ровным голосом стандартные слова.

– Светлана Владимировна, здравствуйте... – раздалось в трубке. – Это я, Беловолодов...

Помните, я вам говорил, что приглашу на консультацию моих старых друзей Павлину Порошину и Глеба Дубовцева? Это очень сильные специалисты по гипнозу. Возможно, они вам смогут как-то помочь...

– Здравствуйте, Дмитрий Васильевич! – обрадовалась Светлана. – Конечно, помню!

– Ну, так вот, они приезжают сегодня в десять утра поездом. Сможете в это время у нас быть?

– Хорошо, я постараюсь... – произнесла Светлана, а про себя подумала. – Как хорошо, что Будан в Саратов укатил!

– И ещё... Светлана Владимировна, если не затруднит, прихватите с собой те артефакты, про которые и с помощью которых вы хотели бы узнать нечто новое о них!

– Хорошо, я так и сделаю! – ответила Светлана.

– Ну, тогда я жду вас у вокзала... До свидания!

– До свидания... – успела ответить Светлана, прежде чем он отключился, а своему внутреннему голосу возразила. – Вот так! Не сядь я сегодня на своё рабочее место, смогла бы я поговорить с нужными людьми, пока Будана нет? Что же мне надо взять с собой? У Пал Николаича возьму медное зеркало... Хорошо бы найти меч, но где он лежит, никто не знает!

Она начала перебирать в памяти, ища то, о чём бы хотелось узнать, но так и не нашла больше ничего.

Пал Николаич вытащил из шкафа медное зеркало и без проблем отдал его Светлане, даже не спрашивая. Он хорошо знал Светлану.

— Да, и вот этот камешек возьмите! — добавил он, подавая ей найденный там же кристалл. — Может, пригодится...

Увидев на вокзале Дмитрия Васильевича, она обрадовалась, что ещё есть время немного поговорить. Поздоровавшись с ним и усевшись на свободную скамейку, она не спеша начала рассказывать о ходе расследования...

Поезд немного запаздывал, но этого как раз хватило для того, чтобы Светлана обстоятельно и обо всём ей известном доложила своему прокурору, который то и дело кивал головой, считая, что она всё сделала правильно.

Павлина и Глеб вышли с третьего вагона и почти сразу же наткнулись на Дмитрия Васильевича и Светлану. Подарив Павлине цветы и пожав руку Глебу, он представил им Светлану и пригласил всех к старенькому Москвичу. Так через минут сорок они уже были перед дверью прокурорской квартиры.

– Маша! Ты погляди, кто к нам пришёл... – пропуская всех вперёд, Дмитрий Васильевич держал дверь распахнутой.

– Павлиночка, Глеб, Светочка! – только и произнесла Марья Сергеевна, улыбаясь и вытирая руки о фартук. – Проходите, проходите, гости дорогие! Небось, проголодались с дороги? А тут уже вас ждут...

Поздоровавшись с Тамаркой, Борькой и Мишкой, пришедшие прошли в коридор и начали раздеваться, а Марья Сергеевна тут же убежала на кухню...

Накормив всех, в том числе и Светлану, она начала собирать со стола, а Дмитрий Васильевич пригласил гостей и Светлану в свой кабинет, где одна стенка почти полностью была занята шкафом с книгами.

– Светлана Владимировна, покажи гостям, что за артефакт тебя интересует?

Светлана достала медное зеркало и кристалл. Невольно коснувшись при этом рукой Павлины, она тут же увидела слегка прищуренный её взгляд.

– А тату в виде Гепарда не чешется? – вдруг спросила та, смотря Светлане прямо в глаза.

– Сначала чесалось, но теперь перестало... – не отводя глаз, произнесла Светлана.

— А что бы ты хотела узнать? — переспросила Павлина, переводя взгляд с глаз Светланы на медное зеркало и кристалл.

— Если честно, то меня больше всего интересует, как сюда к нам попал меч Кощея Бессмертного, и чего можно ожидать от него... — как робот произнесла Светлана, по-прежнему глядя на Павлину.

— Хорошо... — ответила Павлина. — Постарайся сама узнать об этом!

И усадив Светлану в кресло, она дала ей в руки медное зеркало с кристаллом, а сама расположила свои руки около висков с разных сторон.

— Светочка, закрой глаза и слушай внимательно то, что буду говорить и постарайся это выполнять! — произнесла Павлина. — Твоя цель: не вмешиваться в развитие событий, а только их фиксировать и сообщать нам. Ты мне доверяешь?

— Да! — тихо ответила Светлана.

— Куда бы ты хотела попасть? — Павлина внимательно посмотрела на Светлану.

— Мне важно узнать, как к нам попал Меч Кощея Бессмертного, это зеркало медное, кристалл, а также то, что они из себя представляют! — тихо произнесла Светлана.

— Давай сразу же договоримся: как только ты услышишь моё указание, так ты немедленно начнёшь возвращаться назад в это время. Согласна?

— Да! Обязуюсь беспрекословно выполнять ваши указания! — твёрдо ответила Светлана.

Глеб подошёл к Светлане и направил со спины обе руки на уровень сердца.

— Внимание, Светлана! — низким голосом произнесла Павлина. — Ты направляешься во время, где были медное зеркало, кристалл и меч Кощея бессмертного! Если сможешь, постарайся прочесть мысли тех, с кем будешь общаться или в кого попадёшь!

Часть 2. Меч Кощея Бессмертного

Глава 1. Белавя, 371 год

1.

– А-а-а! – вскрикнула Белавя, открывая глаза и садясь на своей постели. Руки сами собой сжались в кулаки. – Опасность!

– Ты чего, доченька... – высунула голову мать, чтобы хоть как-то помочь любимой восемнадцатилетней дочери.

– Ничего... – тихо ответила Белавя, внутри себя переживая увиденное во сне.

– Ну, ты чего? И вправду отцу с матерью ничего не скажешь? – начал мучить её внутренний голос. – А вдруг это правда? И сон предупреждает тебя?!

– Скажу... – нахмурилась Белавя. И тихо прошептала. – Отцу скажу... Зачем матушку тревожить?

Заглянув в окно и увидев красный рассвет, ещё больше встревожилась и прошептала. – Ой, не к добру приснился мне этот сон!

Между тем, небо на горизонте толстой красной полосой ограждало светло-оранжевую часть, никак не хотело уступить небольшим полоскам света, веером выбивавшихся из-за тёмных туч.

– Ой, не к добру приснился мне этот сон! – снова повторила про себя Белавя, протирая кулаком свои глаза.

Умывши глаза и лицо холодной водой из кадки, она взяла другую кадку в руку и вышла босая на улицу из дома. Набрав воды из колодца в обе кадки, она зашла в специально отведённый угол дома, чтобы никто её не видел, и резким движением рук скинула ночнушку. Оставшись голой, вылила всю холодную воду из кадки прямо на себя...

– Ну, ты чо, совсем оборзела? – внутренний голос, дрожа от холода, попытался привести её в чувство. Но это, как ни удивительно, произвело обратный эффект: перестав дрожать, Белавя хитро усмехнулась. – А я ещё разок тебя повеселю!

И вылила на себя вторую кадку. Крякнув от удовольствия и от того, что поборола себя, Белавя начала растираться полотенцем. Сначала было вытерто не совсем белое лицо, а потом и умеренно-белокурые волосы с рыжеватым отливом. В свои восемнадцать лет Белавя была достаточно высока ростом и пропорционально сложена. Зная это, она не торопилась одеваться, растирая своё крепкое тело полотенцем.

– И что, опять наденешь брюки и длинную рубаху, как мужик? – это внутренний голос решил её хоть за что-нибудь зацепить, хотя прекрасно знал, что почти все девушки данного поселения одевались в мужские брюки и длинную рубаху, подпоясывая её верёвкой, как мужчины. Лишь по особым праздникам им разрешалось носить длинное платье для красоты. И то сказать: платья эти были белого цвета, но украшались красными вышивками, бисерными обшивками на груди, рукавах и подоле, бусами, пуговицами. А шились они из доморощенного льна или шерсти.

Хмыкнув, Белавя кивнула головой в знак согласия и пошла в сени за кадками для молока от коровы и коз – это была её прямая обязанность после подъёма. Соответственно, подъём нужно было делать не позже рассвета...

Подойдя к корове и коз, она отнесла молоко на кухню, где уже трудилась мать, которая приветливо кивнула ей головой. – Поставь, Белавушка, кадки на скамейку! Я займусь ими, как освобожусь...

Белавя, поставив кадки на широкую скамейку, поклонилась ей и вышла: она знала, что до завтрака ещё есть ещё некоторое время.

Во дворе, посмотрев на отца, который в конюшне чистил одного из трёх своих коней и приветливо махнул ей рукой, она в глубоком поклоне приветствовала его. При этом волосы предательски свалились вниз, напоминая ей о том, что их пришла пора заплести в косу. Поскольку брата во дворе не было, она решила, что на этот раз отец не отправит её на зарядку.

– Доченька, Белавушка... – что-то в ласковом голосе отца насторожило её и не напрасно. – Не пора ли тебе на зарядку уже сейчас? А Ярку я отправлю, как только он проснётся!

– Я так и знал... – как всегда в критические мгновения, вмешался внутренний голос. – Каждый раз... На зарядку... Нет, чтобы сказать: «Доченька, Белавушка, тебе сегодня не надо бежать на зарядку!»

– Хорошо, батюшка! – Белавушка ещё раз поклонилась отцу, и, повернувшись, направилась к дверям, огороженным острыми кольями вверх от врагов заставы, в которой кроме дома отца с матерью по кругу расположились ещё около тридцати домов, наполовину вросших в землю.

Автоматически заплетая косу руками, глаз её невольно начал искать того, кто в последнее время постоянно тревожил сердце. – Где же мой любимый? Где ты, сердце моё? Почему не показываешься? Или я тебе уже не нужна? Другую встретил?

Белавушка угрожающе намурила брови, ноздри её расширились, а губы плотно сжались, спрятав стиснутые зубы. – Ну, зараза... Только попадись! А ещё обещал жениться...

Меж тем на заставе кто-то доил коров и коз, кто-то обслуживал коней, кто-то готовил завтрак, совершенно не обращая на неё внимания и не понимая, чем так раздосадована одна прекрасная особа... Так или иначе, застава оживала, но молодёжи, почему-то, кроме неё пока не было.

Место для заставы было выбрано особое: нигде ни вниз, ни вверх по течению Великой Вороны, кроме этого места, не было возможности подобраться к реке из-за болотистой тайги на день пути. Лишь здесь, поскольку это место оказалось на холме намного выше уровня реки и болот настолько, что с него открывалась степь на полдня езды галопом. Именно такое расположение, когда у заставы сзади была река, справа – болото, спереди – овраг, выходящий на поверхность площадки заставы, а слева – лес немного ниже уровня заставы, и послужило основанием для выбора расположения её.

Когда была основана сама застава здесь, Белавушка не знала. И, если бы кто-то спросил её об этом, она, не моргнув глазом, тут же бы ответила: «Давно!», так как ни отец, ни мать тоже этого не знали. Но для чего? Это знал каждый из тех, кто здесь жил. И он ответил бы так. – Для охраны сокровищ древних жрецов и хутора, что был на другой стороне реки чуть ниже по течению!

Когда основывали на этом месте заставу, то им не нужно было слева рыть глубокий ров в два человеческих роста в глубину и в ширину, да такой же ров делать на выходе оврага спереди, потому что сама застава была на возвышенности. Там же были посажены два дуба, которые теперь возвышались над заставой на пять человеческих ростов. Именно к ним, не мешая расти ещё одному дубочку в человеческий рост, была прикреплена лестница вверх, завершавшаяся площадкой для наблюдения за степью и дорогой, по которой время от времени ходили караваны, а также рекой. Около дороги в ограждении и были сделаны ворота.

Негромко хлопнув задвижкой, Белавушка открыла ворота настолько, чтобы могла проскользнуть в образовавшийся проход, и аккуратно закрыла за собой двери. Замотав на голове волосы в одну большую шишку и, завязав её концами косынки, чтобы не раскрутилась, она побежала по своей тропинке, выводящей её на крутые холмы, с которых их полуземлянки жильцов были как на ладони.

Однако в этот раз, красноватый цвет зари несколько насторожил её, осветив склон со стороны реки.

– А ты знаешь, что здесь захоронены древние жрецы и жрицы-амазонки? – внутренний голос ещё больше усилил её тревогу, сообщив ей такую информацию. – И мне кажется, что одна часть склона их захоронения почему-то сползает... Как раз, когда тебе приснился такой сон!

– А ты не мог бы заткнуться? – в голосе Белавы послышалась тревога. – Мне как раз туда надо будет бежать...

– Ну вот! – не сдавался внутренний голос, давя на интерес. – Давай посмотрим, что там такое!

Почему-то дрожь в руках после этого сама собой прошла, а вместо этого загорелся внутри огонёк интереса. – Ладно, посмотрим... А то я так к завтраку опоздаю!

До склона Белава пробежала довольно быстро, удивляясь сама себе, но вот когда она увидела сползающий склон, открывший ей что-то в виде норы, то остановилась, чтобы отдышаться.

– Вползи в могильник жриц-амазонок... – услышала она тот самый голос, который предупредил её во сне о предстоящем нападении готов.

Вздвигнув, она хотела наоборот уйти подальше от этой дыры, но ноги сами её повели к норе, не подчиняясь её воле...

Дыру она проползла свободно и оказалась в невысоком бревенчатом срубе, разделённом на части с двух сторон. Свет зари высветил ближайшую к краю могилу. Подойдя к ней и согнувшись, она вдруг увидела блеск чего-то, на миг ослепившего её так, что она тут же закрыла глаза.

– Возьми медное зеркало из рук жрицы Амаги и уходи! – раздался снова тот самый ужасный голос в приказном тоне, послушаться который у Белавы не оказалось сил.

Совершенно автоматически, не думая ни о чём, она взяла медное зеркало, которое тут же блеснуло в её глаза, из руки скелета женщины, и как автомат, ничего не понимая, что делает, выбралась наружу, где, наконец, вдохнула воздуха полной грудью, а от яркого света зажмурилась глазами...

Только когда Белава открыла их, к своему удивлению никакого сползшего оврага, и тем более – отверстия, уже не увидела...

– Держи зеркало всегда при себе, и никому не показывай, пока не придёт время! – глухой низкий голос даже как-то потеплел, произнося это. — Я – Амага, жрица зороастрийцев! Теперь ты – моё продолжение на этом свете...

– Хорошо... – дрожа от страха, пролепетала Белава и, стиснув зеркало в руке, повернулась к заставе, забыв, что должна была делать зарядку. Только у ворот она пришла в себя и с удивлением рассмотрела зеркало, которое держала в руке.

– Ты не забыла то, что надо его хорошо спрятать? – подсказал внутренний голос, напоминая ей, что всё вернулось в прежнее состояние.

Белава тут же нашла на поясе специально пришитый мешочек и сунула туда найденное зеркало, затянув его, чтобы случайно не потерять его. Вздвигнув, тут же обрадовалась, что всё самое страшное прошло, невольно снова взглянула на тот самый склон, который, сползая, открыл ей вход в могильник жриц.

– Ты гляди-ка, что делается! – приятно удивлённым внутренним голосом оценила она то, что никакого сползания почему-то теперь не было. – Это что же, для тебя специально открывали вход в могильник?

– Выходит так... – Белава сама себе поражалась, невольно ощущая какие-то изменения. Вот и сейчас, она несколько этому не удивилась...

Завтрак всей семьи прошёл как обычно: поклонившись отцу с матерью за приготовленный завтрак и сказав благодарственные слова богу Роду, Белава с Ярькой пошли на боевую тренировку...

2.

Тренировка с длинным мечом в этот раз как-то необыкновенно легко прошла под руководством отца: все удары мечом отца были своевременно и хорошо отбиты, за что он немедленно похвалил Белаву. Дружинники Ведагор и Буеслав, Камай и Даромысл тренировались мечами между собой, Ярослав осваивал короткий меч, и получил за такую тренировку не один выговор от отца.

Когда же пришло время тренировки стрельбы из лука, то здесь Белаву даже превзошла сама себя в несколько раз: если раньше ей удавалось попадать только в «молоко», то в этот раз все стрелы её легли в центр очерченного отцом круга. Получив очередную похвалу отца и ликующий взгляд брата, которому с трудом удавалось достреливать до цели, Белаву охватило некоторое жжение на правом плече.

Обучение езды на коне ей тоже легко далось. Конь теперь беспрекословно её слушался, приводя Ярьку в полное восхищение своей сестрой. К сожалению Белавы, он опять свалился с коня. Отец, видя работу дочери, довольно хмыкнул, но сына ругать не стал, видя его слёзы...

Солнышко дня летнего солнцестояния стояло в зените, когда Белаве всё-таки удалось искупаться в реке вдали от заставы и от людей. Накупавшись, она шла к берегу, когда что-то в правом плече вдруг кольнуло её. Открыв ворот рубахи, она увидела на плече татуировку не то рыси, не то тигра, не то какого-то другого животного из их семейства.

– Но раньше у меня этого не было! – удивлённо пробормотала она, закрывая воротом татуировку.

– А теперь есть! – возразил внутренний голос. – Ты же взяла в руки медное зеркало?!

– Ну, взяла... И чё с того? – Белаве была непонятна связь между татуировкой и зеркалом. – На зеркале не было такого изображения!

– А ты протри его! – предложил всезнающий внутренний голос. – Может, что и получится...

Белаву, усевшись на траву, достала из мешочка медное зеркало.

– Фу, какое оно грязное... – брезгливо произнесла она и невольно начала мокрой рубахой протирать все части зеркала...

Однако, стоило ей протереть какой-то острый бугор на обратной стороне зеркала, как он тут же сверкнул на солнце, заставив Белаву зажмурить глаза.

Она и сама не поняла, что произошло, но чётко услышала свист, который издают конники-разбойники на лошадях, нападая на кого-нибудь. Открыв глаза и перевернув зеркало своей гладкой поверхностью к себе, она вдруг увидела в нём тех самых воинов, которые ей приснились. Их было несколько десятков. Конники имели кольчуги, копья и прямые мечи, издавая этот нестерпимый крик... А ещё её поразили их шлемы: у одних были они с двумя крыльями, у других – с двумя рогами, у третьих – один большой выступ с чем-то чёрным, а так же черная борода и усы.

Но больше всего её удивил один человек в чёрном халате, перевязанном верёвкой: он ходил среди убитых воинов и не то крестил их, не то провожал в последний путь небольшим крестиком...

– Эти разбойники не наши... – услышала она свой внутренний голос. – И почти у всех красные или коричневые плащи на плечах... Нет, это не разбойники, это – воины!

Белаву уже с интересом вглядывалась в незнакомых воинов.

– Это точно не разбойники... – включился в рассуждения внутренний голос, и, видя, как разом конники повернули на всём скаку куда-то правее, добавил. – Это какие-то конные воины! Ишь, как целыми группами слушаются команды...

Белаву качнула головой, соглашаясь с ним.

– И скачут они сюда! – вдруг сделал вывод внутренний голос. – Смотри, солнышко у них осталось слева...

И только тут Белава поняла, о какой опасности с утра ей талдычил внутренний голос. – Опасность! Сюда скачет целая сотня каких-то неизвестных воинов!

Резко поднявшись, она быстро оделась и поспешила на заставу...

3.

– Батюшка, воевода Малин! – поклонившись отцу, произнесла она. – Мне привиделось, что на нас движется целая орда неизвестных воинов! С запада... И, почему-то, кибиток с ними нет! Нужно предупредить вождя Беловолода!

– А ты не ошибаешься? – серьёзно спросил он. – И какие они из себя?

– Лошадки у них такие же, как у наших воинов... И сами они высокие, не грязные... Копья, прямые мечи, красно-коричневые плащи на плечах... Но, самое главное, больше всего меня поразили их шлемы: у одних были они с двумя крылами, у других – с двумя рогами, у третьих – один большой выступ с чем-то чёрным... И таких воинов было много! И они отрядами подчиняются чьим-то командам...

Невольно пришло сравнение её отца, мужика довольно высокого роста, имеющего стройное и крепкое телосложение, светло-голубые большие глаза и волосы – русого оттенка, с такими же воинами. Кроме того, её отец носил причёску "под горшок" с узкой лентой-повязкой, а те были лохматыми и не стриженными. Аккуратные усы и борода на белом лице отца сильно отличались от лиц «гостей», на котором в разные стороны торчали чёрного цвета густые волосы. Злые глаза и горбатый нос довершали облик неизвестных и непрошенных воинов с запада...

– Так-так... – нахмурившись, тихо произнёс воевода Малин, услышав сравнительное описание воинов. – Похоже, это готы! Эти никого не пожалеют...

Белава от удивления даже открыла рот.

– Спасибо тебе, дочка, за такое предупреждение! – он тихо похлопал Белаву по плечу и встал, смотря куда-то вдаль. – Надо готовиться к серьёзной обороне... Эти воины слишком опасны!

Белава видела, как всё вокруг закрутилось: забегали женщины и дети, на смотровую вышку полезли готовые к бою в кольчугах воины, начали одеваться в кольчуги сами мужчины и как некоторые женщины с детьми забирались в лодки и отчаливали на хутор молодой жрицы Веданы.

– Хотите ли поехать на хутор к жрице Ведане?

Белава и Ярослав тут же замотали отрицательно головами.

– Ладно, Белава, ты можешь остаться, а ты, Ярослав, поплывёшь с соседями на хутор к жрице Ведане! – строго произнёс отец Белавы. – Собирайся и иди к лодкам!

– Белава, Ведагор и Буеслав, идите сюда: будем одеваться для боя с готами! – крикнула ей мать, обнимая и прощаясь с Ярославом. Подтолкнув его к двери, она начала вытаскивать из ящика кольчуги с большими накладными пластинами.

– Даро! – крикнул жене воевода Малин. – Осталась последняя лодка: забирай детей и поезжайте на хутор к жрице Ведане!

– Никуда я не поеду! – ответила ему Даро. – Ты же знаешь, я всегда в таких случаях была рядом с тобой! А теперь пусть Ярослав едет, а Белава и старшие сыновья будут рядом! Хоть кто-то из наших останется...

– Даро, подумай хорошенько, это очень опасные воины... – пытался убедить жену воевода. – Погибнет много наших...

– Малин! Подумай сам, как я буду без тебя жить? – возразила ему жена, надевая кольчугу и доставая оружие. – А у ребят я спрашивала... Они не хотят ехать на хутор, но Ярослава я всё-таки отправлю! Белава будет здесь со мной, с тобой и братьями защищать нашу заставу!

Воевода, понимая, что своих ему не уговорить, грустно улыбнулся, внутренне прощаясь с ними. Последняя лодка отчалила, увозя Ярослава...

– Готы! – крикнул наблюдатель с площадки на дубах. – Около десяти сотен будет...

Воевода в шлеме, кольчуге и плаще с луком и мечом, расставивший воинов и воительниц в кольчуге и с оружием по местам на ограждении, с сожалением подумал, что его воинов будет меньше в тридцать раз, чем готов, крикнул. – Постоим за Родину! Не пустим врагов на нашу землю-матушку!

Ждать сильно долго не пришлось: они налетели как мошкара, падая вместе с конями в естественный ров при поднятом вверх мосте, который быстро наполнялся ими и их конями.

Всадники в металлических шлемах, кольчуге с желтыми пластинками, закрывавшими плечи и грудь всадников, пускавших по защитникам заставы тучи стрел, волнами подходили ко рву, стреляли и уезжали куда-то, уступая место новым, но уже с зажжёнными стрелами.

Белава прицелилась и выстрелила из лука по второму человеку, идущему по болоту. Он склонился, схватившись за лицо.

Жуткая боль в левом плече и сильный удар по шлему сбросили Белава с площадки ограждения, расположенного у реки, с которого она стреляла по готам, обошедших заставу по краю болота слева.

– Интересно, как же они смогли пройти по болоту? – подумала она, прежде чем получила удар стрелой по шлему. – Если тропинку, по которой можно пройти, знают единицы?

Теряя сознание, она всё-таки успела прошептать. – Прощайте, матушка и батюшка...

4.

Очнулась Белава от того, что сильно болели голова и плечо, а ещё от того, что была зажата чем-то тяжёлым. Неприятный дымный воздух, который периодически попадал в лёгкие, заставил закашляться и открыть глаза: что-то сильно мешало и давило сверху, не позволяя поднять голову.

Однако, очнувшись, несмотря на боль в плече и голове, Белава уже не могла себе позволить просто так лежать, зная, что идёт битва на заставе. И, извиваясь, как уж, начала ползти назад. Сначала это ей не удалось, но постепенно, раскачивая всё то, что лежало на ней, она образовывала некую щель, в которую и пыталась выползти...

Когда же ей удалось выбраться из-под нескольких окровавленных тел, лежащих на ней ранеными и убитых, слёзы сначала начали застилать глаза, а потом ручьём потекли по щекам от того, что она увидела, как ходил один человек в чёрном халате, перевязанном верёвкой. Он перемещался среди убитых воинов и не то крестил их, не то провожал в последний путь небольшим крестиком...

Когда-то высокое и красивое ограждение заставы со стороны съёмного моста и от реки уже догорало, оставляя небольшие пеньки. Колья заставы у реки торчали в земле под разным углом от горизонтального до вертикального, а один кол вообще у реки лежал отдельно, вывороченный прямо из земли. Везде были разбросаны трупы готов и защитников заставы. Из полуземлянок шёл огонь с дымом. Площадка на дубах догорала, обрушиваясь огнём на землю...

Но живых ни защитников, ни готов пока нигде не было видно.

– Побили всех наших и укатили! – жестко сделал вывод внутренний голос, показывая ей, что она возвратилась в своё нормальное состояние. – А чё им здесь больше делать? Баракла-то ни у кого на заставе не имелось!

Сняв шлем и кольчугу, Белава вздохнула, наконец, всей грудью. И тут же увидела стрелу и кровь на левом плече, ощутив резкую боль на этом месте. Кое-как вытащив стрелу и оторвав широкую полосу от рубахи, она туго перевязала плечо на руке.

– Где же моя матушка и батюшка, братья? – это был первый вопрос, который задала себе уже пришедшая в чувство Белава, и тут же начала осматривать людей, произвольно лежащих на земле.

Слёзы её уже перестали бежать, их сменило чувство безысходности и полного безразличия. Как тень она шла от одного человека в кольчуге к другому, переворачивая их, если в том была нужда, пытаясь найти своих родителей и братьев.

И, наконец, возле дубов она нашла сначала мать, лежащую на боку и обнимающую отца, голова и шея которого была в крови и обезображена стрелами готов. У матери в спине торчали три стрелы... От боли в сердце Белава без сил упала рядом с любимой матушкой...

– Батюшка... Матушка... – слёзы рекой лились из её глаз вместе с соплями, проникая в рот и горло, но она упорно шептала молитву прощания с самыми близкими людьми. – Благодарю тебя, Род всемогущий, что сделал их смерть быстрой...

Только после этого, ощутив некоторое облегчение от внутренней боли, Белава смогла встать. Через некоторое время она увидела раненного вождя Беловолода, а затем и дружинников – Ведагора и Буеслава. Чуть позже нашлись ею Камай и Даромysl. Кроме неё и другие женщины искали своих близких или друзей и находили живыми или мёртвыми. И начала перевязывать им раны.

– Тебе не надо матушку и батюшку хоронить... – наконец услышала она свой внутренний голос. – Помни о культе мёртвых у зороастрийцев и не прикасайся к ним! Для этого существует целый обряд, который проведёт жрица... Да и остальные защитники заслуживают того...

– Иди на хутор и предупреди жрицу Ведану о том, что здесь видела... – приказал Белаве вождь Беловолод.

Она поклонилась ему, отцу с матушкой и пошла к реке.

Попутно зашла к себе в землянку и увидела, что в ней всё перевернуто вверх ногами.

— Хорошо, что ожерелье Амаги захоронили вместе с ней — мысль, что именно его и искали, обожгла душу.

Бросившись к месту, где раньше хранилось оно, Белава увидела пустое место...

Невольная слеза потекла по щеке. Выйдя из землянки, она направилась к реке.

Только после этого, столкнув в реку тот самый кол, что лежал близко от реки в воду, Белава легла на него, как смогла, и поплыла к хутору жрицы Веданы...

5.

Она очнулась от того, что перестала укачиваться водой реки. Открыв глаза, Белава обнаружила, что её кол лежит на узкой песчаной косе, образованной рекой. Это место она знала: всего в версте на север по тропинке среди дремучего леса можно было быстро пройти к хижине жрицы-амазонки Веданы.

Поправив мокрую и сползающую с плеч одежду, с трудом Белава встала и, поклонившись реке со словами благодарности за её спасение, начала подниматься тропинкой по пологому склону дремучего леса. Голова и рука болели, но девушка упорно продолжала идти вверх по тропинке, пока почти на самом верху ей не перегородило путь упавшее дерево.

Неожиданно она услышала грозное и глухое: «Р-р-р!». Подняв голову, Белава увидела рысь, которая открыв свою пасть и показывая большие клыки, предупреждала рычанием, что человек вторгается в её владения.

Однако, дальше начало происходить то, о чём потом ей было стыдно рассказывать даже своему брату: вместо того, чтобы повернуться и уйти, она опёрлась своими руками на ствол упавшего дерева, открыла свой рот и тоже зарычала: – Р-р-р!

Неожиданно рысь прижала свои уши к голове, а голову опустила к лапам. Вместо того, чтобы прыгнуть на оскорбившего её своим неповиновением человека, она вдруг прижалась телом к земле и начала отползать, удивляя этим Белаву, хотевшую всего-то передразнить большую кошку, так как сил уходить назад уже не было.

Тем не мене, рысь, отползя на несколько шагов назад, вдруг приподнялась, повернулась и побежала от Белавы, которая, поправляя сползшую одежду с плеч, без сил уселась на перегородившее тропинку дерево.

Сколько вот так сидела на стволе Белава, безразлично уставившись куда-то вдаль, она не знала. Но в какой-то момент ясно услышала приказ. – Вставай и иди к жрице Ведане!

Вздыхнув горько и не раздумывая над тем, кто ей приказал и сколько ещё придётся идти, она встала и, подобрав палку, захромала по тропинке...

К полуземлянке жрицы Веданы она добралась, когда в лесу стало совсем темно, и упала прямо перед дверью...

Очнулась она только тогда, когда услышала голос молодой жрицы Веданы, усердно трудившейся над её раной. – Очнулась, голубушка! Молодец... А я уж думала, всё напрасно делаю... Уж очень хотелось узнать, как там наши дела на заставе!

– Нет заставы... Разрушена готами!– из глаз Белавы полились слёзы: она вспомнила всё, что увидела после того, как выбралась из-под трупов – Но погибли не все: жив Беловолод, Ведагор и Буеслав из тех, кого видела сама! А застава сгорела...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.